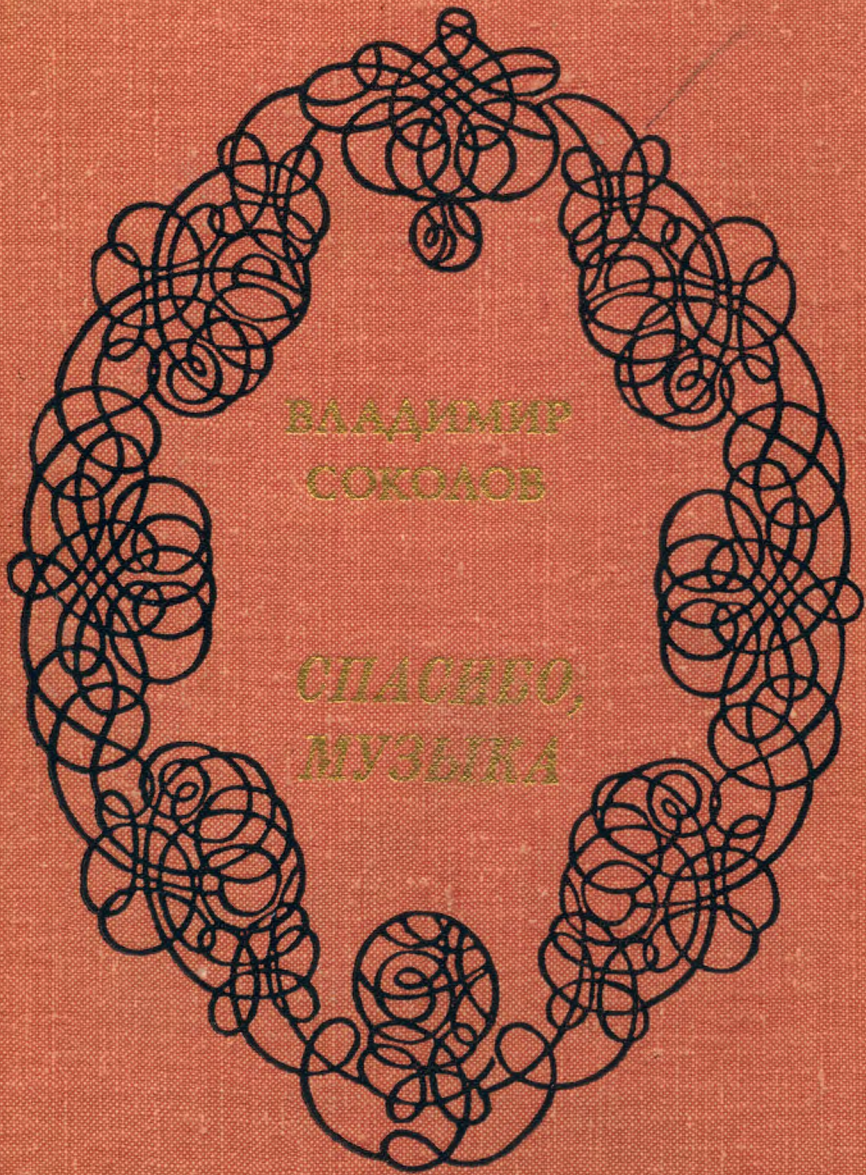

ВЛАДИМИР
СОКОЛОВ

СПАСИБО, МУЗЫКА

ВЛАДИМИР
СОКОЛОВ

СПАСИБО,
МУЗЫКА

ВЛАДИМИР
СОКОЛОВ

Наталья Гениной

СПАСИБО, !
МУЗЫКА .

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

С чувством самым
сердечным,

Владимир Соколов.

7 марта 1979 г.

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

СПАСИБО, МУЗЫКА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

P2
C59

С $\frac{70402-315}{078(02)-78}$ 193-78

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.

Все прозрачно в мире — это свойство
Голубых, больших осенних дней,
Птиц охватывает беспокойство:
Гнезда их становятся видней.

Все открыто пристальному взору —
Дно речное, паутинки нить.
Очень любит осень в эту пору
Отобрать, отсеять, отцедить.

И, следя за дном, за цепью уток —
В час такой давно ли слеп и глух, —
Я и сам, как это утро, чуток,
Обращенный в зрение и слух.

Я ловлю, раскидываю сети,
Только вовсе мне не до игры.
Я и сам как будто на примете
У большой и пристальной поры.

Я молчу, тревогою объятый:
Эта осень видит все насквозь.
Мой сосед стоит у ближней хаты,
У него в руке доска и гвоздь.

Тоже смотрит долго, сокровенно
И вздыхает: — Ну, брат, я решил.

Я сегодня валенки надену.
Понимаешь, вовремя подшил.

Он смеется: что, придумал строчку?
Или снова юноша влюблен?
Надевает валенки — и точка.
Думает, что жизнью умудрен.

1956

* * *

Машук оплыл — туман в округе,
Остыли строки, стаял дым.
А он молчал почти в испуге
Перед спокойствием своим.

В который раз стихотворенье
По швам от страсти не рвалось.
Он думал: это постаренье!
А это зрелостью звалось.

Так вновь сдавалось вдохновенье
На милость разума его.
Он думал: это охлаждение.
А это было мастерство,

ЧАЙКА

Вот так и встретились, случайно.
«Да ты ль?» — «Да, я!» — «Ну, с коих пор!»...
И что ж, сидим, пьем пиво в чайной,
Никак не склеим разговор.

А за окном желтеет глина,
Накрапывает... И вот-вот
Меня попутная машина
Сигналом долгим позовет.

И как всегда, на первом слове:
— Что думаешь и как живешь? —
А он, приподымая брови:
— Ты, — говорит, — машину ждешь?

А я, товарищ, ни машины,
Ни божьих ангелов не жду,
Живу, как все. И нет причины
Пороть, как в детстве, ерунду...

— ...Ну, старый, чокнемся давай-ка. —
И наклонился над столом.

А дальше будет все про чайку,
Про белую на голубом.

...Летела чайка, птица смелая.
Так воздух резала легко.

Дурного никому не делая,
Летать умела высоко.

Она держалась как хозяйка,
Шла против бури, не робка,
Хоть и была всего лишь чайка
Со спичечного коробка.

Но, как у всякой чайки, были
И даль, и море у нее,
И к небу вскинутые крылья,
И пены белое шитье.

Но мой приятель, заугрюмев,
Коробку (видно, свет не мил)
Тупым ножом пробил в раздумье
И чайке крылья перебил.

...Лил дождь над спутанною рожью,
Над ширью смутной и рябой.
Машина шла по бездорожью
И свет несла перед собой.

Я в тучах разглядеть старался,
Как трудно прояснялась даль.
А он, он где-то там остался,
Там, позади...

А чайку жаль...

1956

* * *

Когда смеются за спиной,
Мне кажется, что надо мной.

Когда дурное говорят
О ком-то ясного яснее,
Потупив угнетенно взгляд,
Я чувствую, что покраснею.

А если тяжкий снег идет
И никому в метель не выйти,
Не прогуляться у ворот,
Мне хочется сказать: простите.

Но я хитрец. Я берегу
Сознание того, что рядом
На москворецком берегу
Есть дом ее с крутым фасадом.

Она, не потупляя взгляд,
Когда метель недвижно ляжет,
Придет ко мне и тихо скажет,
Что я ни в чем не виноват.

1957

* * *

Паровик. Гудок его глухой.
Ночь. Платформа. Думы об одном.
Снег метался, тонкий и сухой,
Железнодорожным полотном.

Извивался в свете фонаря,
Шел в порывах. Дрогнул паровик,
Белый дым, волнуясь и паря,
Снизу вверх окутал мост на миг.

Мост был выгнут через полотно.
Кто-то шел по этому мосту.
Шел незримо в клубах дыма, но
Сбоку луч вонзился в темноту.

И на дым летучий, на ничто
Пала человеческая тень.
Тень людская: кепка и пальто.
Дым качнулся, свет умчался в темь.

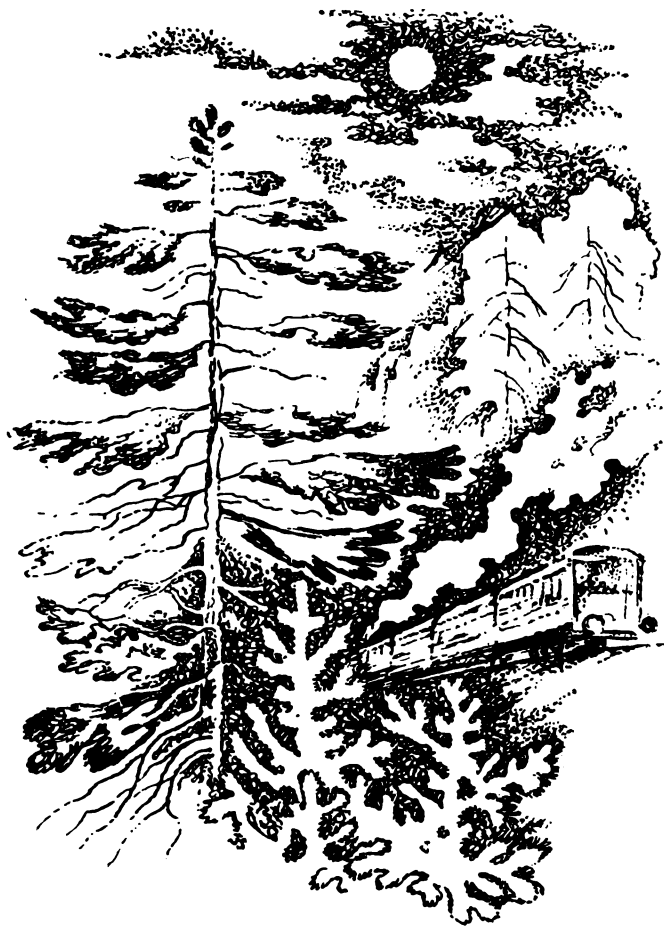
Паровик прогрохал под мостом,
Электричка встречная прошла.
И исчезла в воздухе пустом
Тень, что дымом поймана была.

Я не знал, что делать мне с тоской
О часах текучих... А кругом

Снег метался, тонкий и сухой,
Задышался и бежал бегом.

Только я запомнил не его.
Свет и дым, и чью-то тень навек.
И не знал об этом ничего
Тот, мостом прошедший человек.

1959

* * *

Я проснулся тревожно, чудно, незнакомо,
Словно сердце мое ночевало не дома.

Словно дал обещание и не исполнил.
А исполнить пора. Что же было? Я вспомнил.

Снова побыл я там, над рекою зальдевшей,
Под широкой пургою, за сердце задевшей.

Там, где, взыв, экскаватор ковшом крепкозубым
Брал породу... Где пахло тайгой и мазутом...

Где чернели у рыжих обочин дороги
Корневища тяжелые, как осьминоги.

Где мне ветрено, молодо, холодно было,
Словно лучшая в мире меня полюбила...

...Значит, юность жива, дело просится в руки,
Если имя реки повторяешь в разлуке,

Если сердце и нынче ночует не дома,
А вдали, где раскаты творящего грома,

Где пурга обнимает у края прорана
Лебединую шею портального крана.

Все как будто в ином разрезе.
Снова полка мне дорога.
...Паровоз гуднет на разъезде,
И поймает гудок тайга,
И пойдет им играть, большая,
Одинокая, как мячом,
Звоном даль свою оглашая,
Над лиственником, кедром
И над соснами, передавши
Словно в руки его из рук,
Перекидывать дальше, дальше
Оторвавшийся этот звук.

Эта радость твоя мальчишья
Мне понятна — играй, тайга!
Слишком долгой, тяжелой тишью
Оглушали тебя снега.
Зимних месяцев вой пурговый
Примелькался, как дятлов стук.
Ну а голос гудка — он новый,
Необычный, занятный звук.

...Поезд движется, чуть вздыхая,
Удивительным сосняком.
Точно детским мячом, большая
Заигралась тайга гудком,

1959

НА УЛИЦАХ СТАРОГО БРАТСКА

На улицах черные лодки
Прикованы к серым столбам.
А ветер, гудя в околотке,
Отчаянно бьет по губам.
Он хочет до сердца добраться
И свой передать ему хмель...
На улицах Старого Братска
Едва ль не последний апрель.

Я вижу дома и заборы,
Они и темны и стары.
На плотных воротах запоры
Почти позабытой поры.
Но жизнь и за старым забором
Бушует, полна новостей,
Со всем ее полным набором
Великих и малых страстей.

А дело-то, видно, не в малом,
Коль в собственном доме народ
Здесь, как на дворе постоялом,
Которое лето живет!
И почвы глубинная встряска,
Сердца будоража до дна,
На улицах Старого Братска
Как буря морская слышна.

Ведь все, что казалось немилым:
Осевшие набок дома,
Сарай, — подернется илом,
Уйдет из души и ума.
И что-то заветное тоже
Уйдет для ~~кого-то~~ на дно,
Но если любимо до дрожи,
Всплывет из забвенья оно.

И вижу я первое утро
Недальнего первого дня.
Волна над заборчиком утлым
Вскипает, шипя и звеня...
А ветер, волнением полный,
Гудит и гремит верховой,
И светлые тучи, как волны,
Летят над моей головой.

СТИХИ ИЗ ВОЛГАРИИ

Владения камня.
Бесплодная тяжба гранита.
С корнями деревьев,
Завидная близость зенита.

Молчание скал.
Неожиданный грохот потока.
Обвала оскал
И орел.

Он высоко, высоко...
Он точкою черной.
Он не жил ни в прахе, ни в страхе,
Парит отвлеченно,
Задумавшись о черепахе.
И в облаке тает...

А облако тенью свободной
Ложится на камень,
Возвышенный и старомодный,
Над лапами сосен,
Над острыми шапками елей
Он глыбы возносит,
Обдутые сонмом метелей.

Он полон достоинства.
Он еще, видимо, в силе.
Как чуждое воинство,
Сосны его окружили.

Их строй поднимается,
Ветви неся, как пищали.
И вдруг открывается
Древняя область печали:

Обломок вершины,
Развалины выступов горных
Лежат, как руины
Акрополей, некогда гордых.

Цветами обвиты
Кладбищенские перекрестки —
Надгробные плиты
И мемориальные доски.

Как мы тесаками,
Обвалы и ливни когда-то
На них высекали
Свои поминанья и даты.

Здесь копыя скрестили
Часы синевы и ненастий
Над гибелью стилей,
Над прахом великих династий,

Свои поколенья
Обрывов и ветров гудящих.
Свое исчисленье
И дней и времен проходящих.

* * *

Зеленая Рила *,
Я видел и скалы, и ели,
И все, что открыла
Ты мне за четыре недели.

Каменья, как троны,
На нет под лесами сходили.
Гайдуцкие тропы
Меня высоко возводили.

И взял я в мечтанье
В часы своего восхожденья —
Прекрасное зданье
Сложить из камней преткновенья.

Навек. Чтобы оно
Зданье как надо служило.
Чтоб вечноезеленое
Древо с камнями дружило.

...Я думал избегнуть,
Я думал забыться и кануть,
Внизу у подножья
Оставить нелегкую память.

---

* Гора в Болгарии.

Но нет человеку
Спасения от человека.

Две тысячи метров
Над уровнем моря и века.

1960

* * *

Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.

Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделаться.

1960

* * *

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
В моем селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

Звучат, гоня химеры
Пустого баловства,
Прозрачные размеры,
Обычные слова.

И хорошо мне... В долах
Летит морозный пух.
Высокий лунный холод
Захватывает дух.

1960

* * *

Снега белый карандаш обрисовывает зданья...
Я бы в старый домик ваш прибежал без опоздания,
Я б пришел тебе помочь по путям трамвайных линий.
Но опять рисует ночь черным углем белый иней...
У тебя же все они, полудетские печали.
Погоди, повремени, наша жизнь еще в начале.
Пусть уходит мой трамвай! Обращая к ночи зренье,
Я шепчу беззвучно: «Дай позаимствовать уменье.
Глазом, сердцем весь приник... Помоги мне в миг
бесплодный.
Я последний ученик в мастерской твоей холодной».

* * *

М. Луговской

Все как в добром старинном романе.
Дом в колоннах, и свет из окна.
Липы черные в синем тумане.
Элегическая тишина.

В купах вымокших — шорох вороний.
Тихо плавают листья в пруду.
Что за черт, я совсем посторонний
В этом желтом, забытом саду.

Но представьте. Под лиственной сенью
Я часами брожу вдоль оград,
Как скрывающий происхождение,
Что-то вспомнивший аристократ.

Что мне в этих колоннах да нишах!
И как будто впервые я здесь.
И отец у меня не из бывших,
А из тех, что и были и есть.

Но с какой-то навязчивой грустью
Лезет в душу мне сырость колонн
И в садовом своем захолустье
Позабывтый людьми Аполлон.

* * *

«Можно жить и в придуманном мире», —
Мне сказали. Но правда ли это?
Можно в мире? Как в греческом мифе?
Как в легенде? Как в шутке поэта?
Можно? Это не сложно.

Ребенку,
На рассвете. На девичьем утре.
Но когда ты вдеваешь гребенку
В настоящие взрослые кудри,
Но когда что-то кануло в шири,
А пороги лишь ветром обиты,
Можно ль плакать в придуманном мире
От придуманной горькой обиды.

Я себе хорошо представляю.
Как по детскому зову преданья,
Как по знаку мечты
оставляю
Все мирские дела и свиданья
И вступаю в придуманный город,
В сад придуманный, милый до дрожи.

На придуманном озере гогот
Лебедей. Я придумал их тоже.
Я придумал и даль, и округу,
И подругу придумал, и брата,
И врага сочинил я, и друга...

Ты, конечно же, не виновата.
Но заметил я, душу очистив
От земного, приняв неземное,
Тень летит от придуманных листьев
На мое безысходно земное,
Где не может пока что по маю
Цвезть сухумская роза
в Сибири...

Но не думайте, я понимаю.
Можно жить и в придуманном мире.

1961

МУРАВЕИ

Извилист путь и долог.
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?

А он, упрямец, тащит
Ее тропой рябой
И, видимо, таращит
Глаза перед собой.

И думает, уставший
Под ношею своей,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:

«Ташил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».

МЕТАМОРФОЗЫ

Мир детства. Заборы и лужи.
Ручьев перекрученных пруть.
Я стал понимать его хуже
И лучше о нем говорить.
Но как я хочу разучиться
И в мире заведомом том
Тайком от людей воплотиться
В какой-нибудь старенький дом!
И влажно глядеть в переулок,
Листвой заслонясь, как рукой,
В какой-нибудь там Ащеулов
Иль Подколокольный какой.
И знала б одна только осень,
Что это ведь я под числом,
А вовсе не дом номер восемь
Стоит, обреченный на слом.

А в час, как в иные строенья
Мои уезжали б жильцы,
Я им ни на миг настроенья
Не портил бы: мы не юнцы.
Мы дети отжившего века,
Старинные особняки
Для новых идей человека,
Наверно, не столь высоки.
Я просто, приветствуя силы,
У свежего рва на краю
Пропел бы им, как клавесины,

Прощальную песню свою...
Оранжевых листьев пиковки,
Сентябрь начинает с туза.
Я — старенький дом на Покровке —
Гляжу сквозь больные глаза.
Но, верный испытанным пробам,
Я тут же, почти не скорбя,
Бульдозером широколобым
Бесспорно иду на себя.

1962

Прятелю

Как бы мне оторваться от жизни,
Деловые утратить права
И зажить, как беспечные слизни,
Как счастливые бабочки, а?

Как бы мне оторваться от века
И, освоившись в новой судьбе,
Как бы мне потерять человека —
Современного, злого — в себе?

Чтобы жил я, веселый мужчина,
Наподобье безмыслых опят,
Чтоб не лезла на ум чертовщина
В час, когда современники спят.

Чтобы воздухом сильного мая
Не дышать на запрудах реки,
Где вздымается ветер, сымая
С лысых гор облаков парики.

Где красиво кончаются сосны
И телами их стелется гать,
Как бы мне научиться от солнца
Под мещанские лампы сбегать.

И трепаться с тобой, за плечами
Оставляя любой непокой,

И чужими кормиться харчами,
Человечек безоблачный мой,

Чтобы жить, как беспечные слизни,
Приживальщики трав и тесин.
Как бы мне оторваться от жизни,
Чтоб понять себя, сукин ты сын.

* * *

Время пройдет. Охладеет
Имя мое для тебя.
Буду я спать, не вставая,
Не лепеча, не грубя.

Но и забыв о колоде,
Легшей на прах моих мук,
Чье-то заслышав «Володя!»,
Как ты оглянешься вдруг...

СЕЛИГЕР

Ты помнишь, как молоды были
Мы той обручальной весной,
Где сосны водою сквозили
Вдоль нашей тропинки лесной?

Крученые ветхие листья
Да ветки желтели обочь,
И дождь еще первый не лился,
И холод прихватывал ночь.

Но вздохи озерного ветра
Ледок обращали в ничто.
Была ты в косыночке светлой
И в кожаном синем пальто.

Была ты мила без оглядки
И тем, что за мною вослед
Так смело на третьем десятке
Достигла шестнадцати лет.

Теперь я нисколько не знаю,
Ты помнишь ли это. Но я
Себе хорошо представляю:
Синь, волны, косынка твоя.

Двух лип вековая обнимка,
Вчерашнего года трава,
Да робкая вешняя дымка,
В которой висят деревья.

1963

ЦИКАДЫ

Я думал — рассветные птицы поют,
А это цикад свиристенье.
Внушает им пенье их темный уют,
Дрожащие ночью растенья.

А я пробудился. Как будто в окне
Большая заря наставала.
А было черно. И подумалось мне:
Лишь этого недоставало.

Но так и случилось. В оконный проем
Шумели кусты-невидимки.
И думал я долго о прошлом твоём,
Что в бедной скрывается дымке.

От этого зябко щемило в груди
И будущее закрывалось
Все тем, что угасло давно позади,
Но все ж позади оставалось.

И всю эту влажную южную ночь
С открытыми спал я глазами.
И было уже мне мириться невмочь
С бездомными их голосами.

Но вот они смолкли, зажав в кулачке
Рассветной росинки монету...
И снилось тебе о домашнем сверчке,
Которого все еще нету.

1963

* * *

Г. Маргвелашвили

Не уважаю неревнивых,
Им, равнодушным, все равно,
Когда, какое, чье зерно
Взошло на их, не чьих-то нивах.
Не уважаю неревнивых.

Они без прошлого, без горя,
Они без поля и тоски.
Они живут не по-людски,
С любимой женщиной не споря.
Не уважаю по-мужски.

Я сознаю свою беду:
Не уважаю неревнивых,
Всегда слывущих за счастливых.
Люблю пристрастных и спесивых
На горе женскому стыду.

Я завещаю сыновьям
Лишь ту безжалостную ревность,
Чья роковая повседневность
Рождает будущее нам.

На почве родственной осев,
Я потому твержу о нивах,
Что презираю неревнивых,
Люблю свой собственный посев.

1963

* * *

Хотел бы я долгие годы
На родине милой прожить,
Любить ее светлые воды
И темные воды любить.

И степи, и всходы посева,
И лес, и наплывы в крови
Ее соловьиного гнева,
Ее журавлиной любви.

Но, видно, во мне и железо
Сидит, как осколок в коре,
Коль, детище нежного леса,
Я льну и к Магнитной горе.

Хочу я любовью неустной
Служить им до крайнего дня,
Как звездам, как девочке русой,
Которая возле меня.

1963

* * *

Я забыл свою первую строчку.
А была она так хороша,
Что, как взрослый на первую дочку,
Я смотрел на нее не дыша.

Луч по кляксам, как по чечевицам,
Колыхался. И млело в груди.
Я единственным был очевидцем
Посвященья.

Тот миг позади.

Но донныне всей кровью — в рассрочку —
За свое посвященье плачу.
Я забыл свою первую строчку.
А последней я знать не хочу.

1963

* * *

Вот и нет меня на свете.
В мире тишина.
Все в свои поймала сети
Белая луна.

Сад поймала, лес поймала,
Поле и жнивье.
Озарила, осияла
Кладбище мое.

А на самом-то на деле
Все в заре, в цвету,
Я себя сквозь все недели
Гордого веду.

Не уйду, ступив со света,
Не оставлю дня,
Но — пока зависеть это
Будет от меня.

* * *

Р. Маргиани

Люблю, когда друзья мои в Тбилиси
В пылу беседы общей за столом
Заговорят, до звона речь возвысив,
Своим почти орлиным языком.

Я прислонюсь тогда щекой к ладони,
Заслушаюсь, на лица загляжусь,
Порадуюсь, что я не посторонний,
Что своего молчанья не стыжусь.

Что вот и сам твержу я с их же пылом
На языке, что дал мне дед-тверяк,
А небо над художническим пиром
Зашло за звезды... Полночь при дверях.

Но все внимают листья-непоседы,
И складки гор, и дуновенье трав,
Как мы ведем высокие беседы,
С грузинской речью русскую смешав.

Я говорю о стихотворном ладе,
Ликую. А пока я говорю,
Сосна Мтацминды клонится и гладит
По-матерински голову мою.

1963

* * *

Я мальчик. Мне двенадцать лет.
Кораблик мой плывет по луже.
И ничего на свете нет
Синей ее и глубже.

Мне неудобно. Я большой.
А вот играю, как ребенок.
Плыви, плыви, кораблик мой.
Твой белый парус тонок.

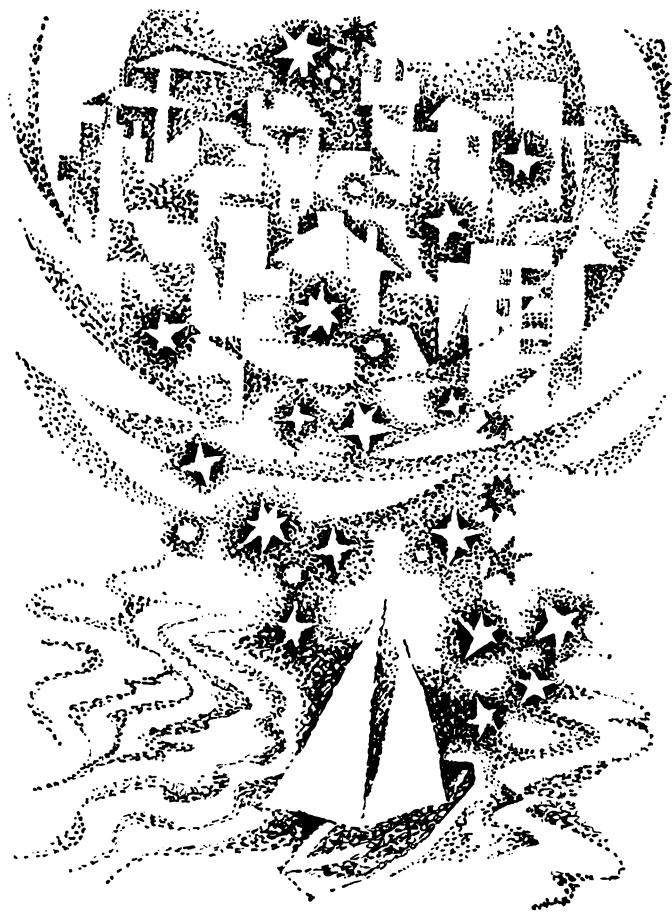
Твои просторы глубоки.
Ты уплывешь средь синих гребней
За голубые лопухи,
За горизонт волшебный...

Я взрослый. Мне под тридцать пять.
Я распрямляюсь. И ложится
У ног моих морская гладь,
Где альбатрос кружится.

«Пора домой», — ты шепчешь мне.
А я — как маленький обманщик.
Там белый парус на волне.
Мне тридцать пять. Я мальчик.

Конечно, мы пойдем домой.
Но пенный след... Но мачта в скрепах...
Плыви, плыви, кораблик мой.
Твой белый парус крепок!

1963

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

«Звезда полей, звезда полей над отчим домом
И матери моей печальная рука...» —
Осколок песни той вчера за тихим Доном
Из чуждых уст настиг меня издалека.

И воцарился мир, забвенью не подвластный.
И воцарилась даль — во славу ржи и льна...
Нам не нужны слова в любви, настолько ясной,
Что ясно только то, что жизнь у нас одна.

Звезда полей, звезда! Как искорка на сини!
Она зайдет? Тогда зайти звезде моей.
Мне нужен черный хлеб, как белый снег пустыне.
Мне нужен белый хлеб для женщины твоей.

Подруга, мать, земля, ты тленью не подвластна.
Не плачь, что я молчу: взрастила, так прости.
Нам не нужны слова, когда настолько ясно
Все, что друг другу мы должны произнести.

1963

ЛЮБОВЬ

Утешь меня. Скажи мне: все неправда.
И я поверю. Я хочу поверить.
Я

должен

верить

через не могу.

На отдаленном синем берегу
Моей реки, зовущейся Непрядва,
На камушке сидишь ты. Злая челядь —
На противоположном берегу.

Утешь меня. Скажи мне: все, что было,
Случайность, наваждение, не закон.
И я влюбленно, а не через силу
Тебе отвечу русским языком.
Утешь меня. Чтоб впредь не попрекали.
Ведь я силен. Еще сильней — со зла.
...И я погибну на реке Каяле,
Чтоб ты, как Русь, как девочка, жила.

1963

УКАЗ ПЕТРА

Незаконнорожденных записывать
в художники.

Петр I

Забавна эта мысль Петра.
Но сколь мудра и величава,
Пронзающая до нутра,
Смешная с первого начала.

Мне интересен лик его
В тот миг, когда он быстро взвесил
Все «да» и «нет» до одного.
Он был тогда угрюм иль весел?

Он, может, так захохотал,
Что терем колоколом грянул,
А может быть, чертеж скатал
В трубу подзорную и глянул?

И увидал, как на страду, —
По всем колдобинам России,
С холстом и кистью не в ладу,
Идут внебрачно прижитые.

И, маясь дивною судьбой,
Находят лад, и знаменито
Всей неприкаянной гурьбой
Грехи отмаливают чьи-то.

Пусть в нас иной, несхожий пыл
Великой волею заронен,
Нам надо помнить, как он был,
Художник русский, узаконен.

* * *

Пожалей меня
                                          за то,
Что у меня
                                          дар,
А у тебя
                                          и пальто,
И меховой жар.
Пожалей меня
                                          за то,
Что у меня страх
За ускользящее
                                          в ничто,
А ты всегда здрав.
Так пожалей меня
                                          за то,
Что у тебя
                                          есть,
А у меня —
                                          только то,
Что ничего нет.
Но —
                                          поэмы стоят
                                          позади
И впереди,
                                          трубя.
Пожалел меня?
                                          Иди,
Пожалей себя.

* * *

Убит. Убит. Подумать! Пушкин...
Не может быть! Все может быть...
«Ах, Яковлев, — писал Матюшкин, —
Как мог ты это допустить!
Ах, Яковлев, как ты позволил,
Куда глядел ты! Видит бог,
Как мир наш тесный обездолил.
Ах, Яковлев...» А что он мог?

Что мог балтийский ветер ярый,
О юности поющий снег?
Что мог его учитель старый,
Прекраснодушный человек?
Иль некто, видевший воочью
Жену его в ином кругу,
Когда он сам тишайшей ночью
Смял губы: больше не могу...

* * *

Скорей в начале жизни, чем в конце,
Он в самовольной ссылке величает
Беспечность рифм у всех забот в кольце,
Его чело лишь свет свечи венчает.
С ним только то, чего и друг не чаает,
Да мир, да дева юная в венце.

На нивы, на желтеющие купы,
Как на виски, ложится серебро.
«Пора иль не пора!..»
Щекочет губы
Прохладное гусиное перо.

1965

У ВЕРХОВЬЯ ВОЛГИ

Стоят над Селигером
И церкви и дома.
Молчат о Селигере
Отдельные тома.

А там — в душе России
Начало и исток.
Там у спокойной сини
И запад и восток.

Там ветер влажно веет
Сквозь зелень над водой.
Там дранка золотеет,
Как купол золотой.

1965

* * *

Ученический зимний рассвет,
На окне ледяные подтеки.
Я не знал до шестнадцати лет,
Как бывают пленительны строки.

Из постели на прорубь окна
Я гляжу, не спеша из постели.
У меня есть тетрадка одна,
Для которой нет места в портфеле.

Я портфельчик под мышку возьму.
От зимы воротник побелеет.
Я о том не скажу никому,
Что в тетрадке моей лиловет.

Вот растет из сугроба метла,
Вот оплывшая наша колонка,
Как задутая свечка, бела
Ото льда, затвердевшего ломко.

Мне отныне спасения нет.
Все, что пройдено, вижу в обломках.
Ученический зимний рассвет.
Тонет улица в ранних потемках.

Я пропал! Но кому объяснишь,
Что она меня вновь отстояла

Этим снегом, свисающим с крыш,
Словно съехавшее одеяло,

Спите, улицы. Спи, календарь!
Через день, виновато сутулясь,
Я скажу, что замазал январь
Белым снегом названия улиц.

И не смог я дорогу найти.
Но в училище был небывалом...
Я ворочаюсь под одеялом.
Я встаю. Надо в школу идти,

У меня есть тетрадка одна.
Там грядущие зреют напасти,
Там каракули, там письмена.
Но хоть лаврами путь разукрасьте,

Хоть наметьте любой юбилей,
Я туда убегу без оглядки,
В тот рассвет, что синей и белей
Ученической чистой тетрадки.

1965

* * *

Ночевала тучка...
М. Лермонтов

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Бери перо любое наугад.

Большие дети неба и земли,
Здесь ночевали, спали журавли.

Остался пух. Остались перья те,
Что на земле видны и в темноте.

Да этот пруд в заброшенном саду,
Что лишь у птиц и неба на виду.

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Возьму перо любое наугад.

И напишу о маленьких синицах
И о больших взметающихся птицах.

И напишу, что сад синицу в руки
Взял, с журавлями белыми в разлуке.

Листвой сухой, седой расхлопотался.
Красавицей своей залюбовался.

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
И пруд, и вся прорешливість оград.

Он не шепнет, как кто-то там иль сям,
Что журавли завидуют гусям.

Он знает сам, что каплями зари
В нем замелькают скоро снегири,

Что в ноябре в нем хрупко и светло,
От перистого инея бело...

1965

Попросил я у господ бога,
У создання, которого нет,
Чтобы стал я ни мало ни много,
А мальчишкой семнадцати лет.

Так и вышло. Под сенью небесной,
Легкий шарф отмахнув за плечо,
Я иду, молодой и безвестный,
Мне и холодно и горячо.

Еще в жизни неясен мой выдел.
Все дождями лучей залито.
Еще я никого не обидел,
И меня не обидел никто.

Но ликуют вчерашние травы,
Но гремит позапрошлый громок...
Мне пришкольной не надобно славы,
Я и с этой не столь одинок.

Оттого-то, как мальчик, без спроса
Я метнулся в мой нынешний мир,
Где пирует пора сенокоса
При избытке ромашек и вил.

Жить бы мне, на ромашках гадая,
Зная дело, сжимая перо,
До свободной минуты, когда я
В землю тоже войду, как в метро.

1964

ОКА

Мы так и не доехали тогда...
Какой-то лодки не было под боком.
Запомнилась река да лебеда
На берегу довольно невысоком,
Да то село, глядевшее с откоса
Голубоглазо и желтоволосо.
Да ребяшня, да лодка на мели.
Да чей-то дед при всех его притворствах
— Мол, нету лодки. Нет. Не завели... —
Да мы без шапок, трое стихотворцев.
Да как вдали автобус наш гудел,
Что люди ждут, что все же есть предел..

Да мысль о том, что родственные сени
Когда-то называл Сергей Есенин
Не Константиновом и не Окой,
А просто лесом, полем да рекой,
Мы так и не доехали тогда.
Оки не переехали...

Ну что же,
Прав лодочник, седая борода:
— Поэты? Как же, знаю. Был Сережа...

1964

ВЕШНИЕ ДАЛИ

Леониду Леонову

Низкая впадина, речка высокая,
Ветер, шумящий отпевшей осокою.
Где это было, когда это было?
Лишь бы не думать, что было, да сплыло.
Что бы там ни было, как бы там ни было,
Только б не убыло, только бы прибыло.

Черные гнезда в дыму налетающем,
Легком, но, кажется, ветки шатающем,
Чтобы унести их вослед за гудком,
Чтобы не жили своим закутком.
И взбаламученных галок орда
Сматривает на гнезда и на поезда.

Где это было, когда это было?
Даль окликала, мелькала, трубила.
Ветром и веткой будила чуть свет.
Сердце твое изучала на свет.

Там это было. Тогда это было.
Девочка русая парня любила.
Да развеяла их, развеяла даль.
Разве не весело? Разве не жаль?

Мальчик у стрелки услышал рожок —
И развязался у книг ремешок.
Мальчик, беги за прошествием лет,

За убегающей далью вослед.
Прошелестели, пропели шаги...
Мальчик, от девочки тоже — беги!

Где это было? Да там это было,
Где еще наша земля не остыла,
Где еще ленточка вьется твоя
Возле опушки тропой у жнивья.

Так это было. И так это будет.
Даль разведет да сведет, не остудит.
Только б не убыло, только бы прибыло
Как бы там ни было, что бы там ни было.

1965

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

Деревья черные стояли
На желтом дерне и листве.
Их ветки черные торчали
В пустой и голой синеве.

Деревья черные качались,
Как только воздух наплывал.
А птицы белые бросались
Вверх, точно в тянувший провал.

Я утром вышел в этот сад.
Он, весь заросший белым мохом,
Просил, чтоб даже легким вздохом
Я не нарушил тишь оград
И взлетов серых воробьят.

Ни тропки нет. А я и рад
Тому, что все, как в белой шали,
Там, где лишь день тому назад
Деревья черными стояли.

Забыв про хлынувшую стужу,
Белеет сад, едва дыша,
Как будто явлена наружу
Деревьев чистая душа.

* * *

На крайнем юге, солнечном и синем,
Так много листьев глянцевых, любых,
Октябрь уж наступил. Но не для них,
А мы их все ж
Так весело покинем
И улетим на север, на восток,
Где, испытанье выдержав на ветхость,
Желтеет каждый болдинский листок,
Как библиографическая редкость.

1965

ЗАСТАВА

Я здесь, усни, моя родная.
Спи. Я с тобой. Я не уйду.
Трава за окнами ночная
Тихонько клонится в саду.

Там на изведанных дорожках
Следы вчерашние пока.
Там на высоких тонких ножках
Белеют звезды табака.

А там, где вишни созревают,
Там отдыхают ветерки,
Что наши лица обвевают
Днем под лучами у реки.

И так как дети спят в постелях,
А все луною залито,
Они играют на качелях,
Пока не видит их никто...

Я здесь. Засни, моя большая,
Спи. Я с тобой. Я не уйду.
Отрадой землю орошая,
Ночь продолжается в саду.

Там достигают небосвода
Березы в венчиках своих.

Там трубы длинные завода
Далеко смотрят из-за них.

Там, спать не в силах, в узорочьях,
Два самых юных соловья
Глядят, как зыблется на рощах
Косынка белая твоя.

Спи, милая. Идя на стражу,
Любуясь миром в забытьи,
Я только мысленно поглажу,
Как нивы, волосы твои.

Пусть так и будет. Люди знают —
Околыш вечно зелен мой.
Проснешься: птицы запевают!
Очнешься: где он?..
Я с тобой.

1965

ДРУГУ

Слушай, Толя, прочти мне скорее стихи
О твоём возвращенье в родительский дом,
У меня, как я слышал, цветут лопухи
Там, где рос я, не зная, что будет потом.
В мокрых ветлах грачи ошалело орут,
И гремит соловей у высоких запруд.
Прочитай же скорее, прочти мне стихи
О возврате твоём под родительский кров.
У меня в Лихославле поют петухи
И вздымаются нежные очи коров.
Я вернусь, я приду, я подкину сенца,
Я под осень за хлеб выпью ковш до конца,
За платок до бровей, за процветшую высь,
За твою, соловей, сумасшедшую жизнь.

1965

* * *

Мчатся тучи...
А. П у ш к и н

«Натали, Наталья, Ната...»
Что такое, господа?
Это, милые, чревато
Волей божьего суда.

Для того ли русский гений
В поле голову сложил,
Чтобы сонм стихотворений
Той же
Надобе
служил.

Есть прямое указанье,
Чтоб ее нетленный свет
Защищал стихом и дланью
Божьей милостью поэт.

1965

ВЕНОК

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой расстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идет на ущерб.

Истина не наказуема.
Ты указала между.
Я ни о чем не скажу ему,
Я ни о чем не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

1966

* * *

Опять с непогашенным светом
Короткие ночи делю...
Не надо. Не думай об этом.
Я больше тебя не люблю,

Я вижу из этого мира,
Где нет ни тебя, ни меня,
Как где-то мертвеет квартира,
Беззвучная в топоте дня.

Там пыль оседает на книги
И плавает нежная моль.
Я так не люблю эти миги,
Их теплую, легкую боль.

Я вижу из третьего дома,
Как в том отзвучавшем дому
Так ветренно и незнакомо
Мы сходимся по одному.

Как будто влюбленные тени,
От нас молчаливо уйдя,
Там ночь коротают в измене,
Друг с друга очей не сводя.

Живут они в облаке света,
Как смерти, боясь темноты,

Два призрака, два силуэта.
Но это не я и не ты.

Я знаю: и то наважденье
Сойдет, как по инею след.
И все ж я не сплю до мгновенья,
Когда они выключат свет.

1966

С чего друг друга мы не окликали,
Глуша свои заветные ау.

Я не пойму единственно иного —
Коль выйдет так, что в дне непрожитом,
Как в дне былом, не встретимся мы снова.
Но и тогда мы встретимся, потом.

ХЛЕБ

Зима. Бочком из переулка
Выходит, звякая, трамвай.
На тумбах снег. Он то как булка,
А то как пышный каравай.

Свежо и холодно под небом.
Круглы и мягки облака...
Да бог с ним, с этим белым хлебом,
Хватало б черного пока.

Я помню хлеб.

Уже не будет
Такого хлеба никогда.
Пусть даже затемно разбудят
Иные черные года

Тяжелым ходом эшелонов...
Я помню хлеб сладчайший тот,
Что до отмены всех талонов
Я получал за день вперед.

«Везут, везут!» Фургон тащился.
Снег под полозьями звенел.
Ах, этот хлеб... Как он крошился,
Как на морозе руки грел!

О эти годы! О отрада,
О позабывшаяся честь,
Что мне, как будто так и надо,
Как большинству, хотелось есть.

Мы родины не выбирали,
Но если б выбор был у нас,
Я б выбрал только эти дали,
Иных не мысля про запас.

Кочуют вьюги, едут люди.
Дрожат под скорыми мосты.
В ожогах неба, как в полуде,
Взывает спутник с высоты:

«Не уставай. С моей судьбою
Соотноси, поэт, свой путь,
Земли не чуя под собою,
Всю землю чуя под собою,
Но лишь искусственным не будь».

Зима. Бочком из переулка
Выходит, звякая, трамвай.
На тумбах снег. Он то как булка,
А то как пышный каравай.

А я слежу, как, выйдя в небо,
Превысив сказочный лубок,
Дитя родительского хлеба,
Витает этот колобок.

Пусть даже затемно разбудят
Еще безвестные года.
Я помню хлеб.

Уже не будет
Такого хлеба никогда.

Несут хозяйки булки, сайки.
Но песня за душу берет:
И я на той военной пайке
Опять живу на день вперед.

* * *

Облако птичьего свиста
Остановилось в окне.
Все это было когда-то,
Но это было при мне.

Словно огромная Волга —
Вдруг
    у меня,
        у крыльца
Облако птичьего свиста.

Облако птичьего свиста
Не задержалось надолго,
Но подарило птенца,

* * *

Листья прыгают, как лягушата,
Через стежку туда и сюда.
Только миг! Через край из ушата
Дождевая польется вода.

Только ветер еще, а не туча.
Только облако в пятнах сырых.
Но малинник уже взбаламучен,
А ведь был удивительно тих.

Может быть, с этим ливнем осенним
Что-то с сердца и схлынет у нас.
...Я могу с небывалым уменьем
Рассказать все, что будет сейчас...

Прекращаются вздохи и всхлипы,
И спокойно несет водосток
Опрометчиво сорванный с липы,
Словно яблоко круглый, листок.

Но, бумажному влажному змею,
Улыбаясь, как дети лучу,
Я опять ничего не умею
И уметь ничего не хочу.

РАЗЛАД

Сразу несколько стихотворений
Я пишу, ни одно не выходит.
Сразу несколько книжек читаю,
Ни одна далеко не уводит.
На бумаге нелепо смешались
Времена миновавшего года.
В дом, где окна распахнуты в зелень,
Снег является с черного хода.
Начинается бестолочь, глупость...
Затевая интимную свару,
Третий лишний огромным мольбертом
Заслоняет влюбленную пару.
И рисует себя, горемыка.-
А выходит соперник счастливый.
С этим каверзным автопортретом
Он уходит, такой сиротливый.
Он идет в голубом пересвисте,
И хотя все цветы процветают,
Над душой его желтые листья
Совершенно спокойно витают.
Мне ужасен подобный художник,
Потому что хорошего мало:
Все-то краски смешал, перепутал,
Потерял и концы и начала.
Сразу несколько пишет портретов,
Ни один у него не выходит.
Сразу несколько книжек читает,
Ни одна ни к чему не приводит.

ВОЛКИ

*А тебя не задевали витавшие
в воздухе незримые тела безверья?*

Из письма

Ребята, спите по ночам.
По переулкам бродят волки.
Подкравшись медленно к дверям,
Они заглядывают в щёлки.

Закройте свет, закройте дверь,
Крыльцо оставьте белым выюгам.
Нет ничего страшней, чем зверь,
Глухим страдающий недугом.

Заботой вызванный во тьму,
Не попадись им по дороге —
Они не верят ничему.
О, как ты мерзок им, двуногий.

Они к тебе, поджав хвосты,
Бредут, как добрые собаки.
Но оглянись! Они двойки.
Улыбку волчью видел ты?

И начинается сюжет
Погони медленно жестокой.
Они трусят тебе вослед,
В глаза заглядывают сбоку.

Спасибо, если ты сильней.
Но, встретясь взглядом с оборотнем,
Ты сам на улице своей
Уже не веришь подворотням.

Ребята, спите по ночам.
Не то подкидыша найдете.
Он будет ластиться к рукам,
Но в лес смотреть на повороте.

Не ошибитесь, подобрав,
Ему в глазенки нежно глядя,
Его по волчьей шерсти глядя.
Малютка свой блюдет устав.

Он будет мучиться укладом,
Где не обманывает речь.
И, вздрогнув, ты столкнешься взглядом
С ним. И уже не уберечь

В себе уверенности прежней,
Что нет есть нет, а да есть да,
Все мнительней и безнадежней.
Ты будешь чувствовать всегда

Как за любым твоим движеньем
Следит, забившись в уголок,
Страдая тягостным сомненьем,
Зеленый злобный огонек.

ЭТЮД I

Я ощущал прямую связь
Меж тонким голосом ребенка
И уходившей прямо в ясь
Звездой, светившей тонко-тонко.

И одинаковость огня
Моей под ветром зыбкой лампы
С тем, за шесть станций от меня,
Туманом театральной рампы.

Я был артистом. Я слагал
Себя из тысячи явлений
И без раздумья полагал,
Что только мир и бог и гений.

Что два плюс два совсем не пять.
Я растворялся в этом мире,
Чтоб сотворить его опять
Свежо, как дважды два четыре.

Чтобы итогом и концом
Моих самозабвенных бдений
Он с тем же собственным лицом
Восстал из всех несовпадений.

Я был артистом. В этот миг
Я строил мир, как он велит мне,

Чтоб с ним зажить в таком же ритме,
В каком живет он, милый мир.

С развалинами чувств моих
Восстановленьем расквитаться,
Стать человеком. И остаться
Им до скончанья дней своих.

Я слишком яростно тужил,
Чтоб утешаться чашкой чая...
А мир, как прежде, жил да жил,
Моих страстей не замечая.

Он пел, работал, ел и спал.
Но в том-то все и было дело:
Как надо мир существовал.
Земля как следует гудела.

Я, как младенец, наяву
Всплывал из пламенного мрака,
Я жил, я отыскал траву,
Как заболевшая собака.

Ты снова шла ко мне лицом,
А стих, дыша росой и мятой,
Бросался в руки и во всем
Послушен был, как виноватый.

ЭТЮД II

А если ты искал дорогу,
Выискивал в ухабах путь
И подвернул в тумане ногу
Так, что без друга не шагнуть?

И спутники, ну, скажем, двое,
Товарищи твои, уйдут
Одни и даже взгляд с собою,
Твой взгляд последний не возьмут.

И унесут не только слитки
Открытий на ученый суд.
Виденье солнечной калитки,
Любимый голос унесут?

Скорей, скорей вздохнуть в тени,
В кусты глаза и плечи пряча.
Как будто это не они,
А ты сильнее, ты, лежачий...

Днем прелых веток тяжкий дух
До головокруженья. Ночью ж
Не иней — снег. Не сделать двух
Шагов. Да ты уж и не хочешь

Стоять, идти: лишь бы ползком,
Рывком, лишь бы водички ржавой
Испить под тем гнилым пеньком,
К воде припав щекой шершавой.

Лишь бы трухлявый ствол какой
Не лег бы поперек дороги.
Когда, как горные отроги,
Вершины пихт над головой.

Когда и звать на помощь лишне.
Ползком, рывком, почти без ног,
Лишь сердце собственное слыша,
Ты думаешь, ты одинок?

Тогда зови на помощь силы,
Последние, что есть в крови,
Зови на помощь облик милой,
Порог родительский зови.

Все, что не сделано тобою,
Все, что огромной целиной
Лежит вдали. Все, что весною
Не поднято. Былой весной.

И все, что будущим апрелем
Замахивался — молодым —
Поднять, охвачен дела хмелем,
Апрелем, будущим твоим.

. . . . .
И человек оквозь хлябь и тьму
Придет и не найти не сможет.
И ухо чуткое приложит
С надеждой к сердцу твоему.

Ты думаешь, что те — ну, двое,
Ну сколько, бедных, было их —
И вправду унесли с собою
Все, что дано на всех живых?

* * *

Я славы не искал, зачем огласка?
Зачем толпа вокруг одной любви?
Вас назовут, в лицо метнется краска,
Сбежит со щек, и где она — лови.

Он целый мир, казалось, приобрел,
Но потерял товарищей немногих,
Зато нашел ценителей нестрогих,
Их ослеплял незримый ореол.

Когда проходит, глаз с него не сводят,
Его же взгляд для них под стать лучу.
Но просто так, как раньше, не подходят,
Ну хоть бы кто-то хлопнул по плечу.

Уйти бы в лес, оставив пустыки,
Собрать минут рассыпанные звенья
И написать прекрасные стихи
О славе, столь похожей на забвенье.

* * *

Ничего, что вымокла дорога,
Что друзья забыли обо мне,
Что луна задумчиво и строго
На меня глядит, застыв в окне.

Это правда. В рощах листья тают,
Сыплет дождь на поздние стога.
День уже заметно убывает.
Каждая минута дорога.

ПАРОМ

...Грустно было мне
Покидать обветренные стены
Домика на правой стороне.
Полз паром. На нем мерцало сено.
И платки помахивали мне.
Розовые, белые, шумя,
Ссорясь меж собой, крича, как чайки,
То с базара ехали хозяйки.
Мужики их слушали. Дымя.
Грустно было мне,
Что под этой синью беспощадно
Я сидел безбабий, безлошадный,
Необобществленный. В стороне.
Здесь провел я лето.
Эти стены,
Этот жар и ливней перемены,
Этот говор акающий наш,
Этот — в волнах — окающий говор,
Эта дружба выгонов и горок...
Ах, идет, идет паромщик наш.
Выпиваем с ним по чашке чаю.
Отвечаю: «Что ж, ну поскучаю...
Вновь приеду, ежели смогу».
Говорю с неведомым зазнайством:
«Может, сам обзаведусь хозяйством».
Кланяюсь ромашке, иван-чаю,
Как иду к воде, не замечаю.
Что-то там, на левом берегу?

1966

* * *

Нет сил никаких улыбаться,
Как раньше, с тобой говорить,
На доброе слово сдаваться,
Недоброе слово хулить.

Я все тебе отдал. И тело,
И душу — до **крайнего** дня.
Послушай, куда же ты дела,
Куда же ты дела меня?

На узкие листья рябины,
Шумя, налетает закат,
И тучи на нас, как руины
Воздушного замка, летят.

* * *

Что сердце! Оно по мне
Не этот комок в обрубках —
А бабушкин дом в весне,
Где притолока в зарубках.
И девушка, как ничья,
Стоящая в отдаленье.
И снег, и его ручья
Мерцательное биенье...

1967

* * *

В дни, когда рано темнеет,
Сразу становится поздно.
Но тем не менее веет
Ранью. Туманно и звездно.
Шел я. Менялась погода.
Жил, не считая мгновений.
Ждал я тебя, как прихода
Лучшего из вдохновений.
Вот и возникла, как завязь,
Ты из любви и участия.
Вот и запел я, склоняясь
И улыбаясь от счастья.
Дерево к ночи синеет.
Листья качаются розно.
В дни, когда рано темнеет,
Сразу становится поздно.

1967.

* * *

Была зима белым-бела.
Мы часто окна отпирали.
На раме бабочка жила,
И птицы в комнате летали.

Потом мы выпустили птиц.
Куда-то бабочка пропала.
И так растаял лед ресниц,
Как будто их и не бывало.

Зачем же мне все шепчет стих
О том, как ты в мерцанье чистом
На лыжах с хлопаньем и свистом
Летишь по склону дней моих.

* * *

Открытая внешняя рама
В большом полукруглом окне,
Как ставня скрипела — упрямо,
Незлобно, в любой тишине.

Тогда-то под ветер надсадный
Простою казалось избой
Пустое подобье мансарды,
Где мы пребывали с тобой.

А что еще было? Деревья
Скрипели, как двери, в лесу.
На них, как гусиные перья,
Качался снежок на весу.

Деревья, овраги, сугробы,
Потемок серебряный дым
Сходились и таяли, чтобы
Не так было скучно двоим.

РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ

Заиндевшие снасти,
Синь, затаившая дух.
Как привалившее счастье,
Эти сугробы и пух.

Это ведь было до снега,
Возле воды и весла.
Льстивая тайна побега
Славою нас обошла.

Помню осенние воды,
Сеть расписаний сухих.
Вмерзли твои пароходы
В лед опозданий моих.

На берегу, как в затоне,
Остановились года.
Лишь дуновенье погони
Шло по воде иногда...

Нет ни бесславья, ни славы
В том, что, темнея на цвет,
Чьи-то заставы и травы
Нам уносились вослед.

Здесь задыхались от бега
И не прощались они...

Все это было до снега,
Перебелившего дни.

Заиндеветшие снасти,
Даль, затаившая дух.
Как привалившее счастье
Эти сугробы и пух.

1967

Попробуй вытянуться,
стать повыше.
Слезами, дождиком
стучать по крыше.
Руками, ветками, виском,
сиренью
касаться здания
с поблекшей тенью.

Попробуй вырасти
такой большою,
чтоб эти улицы обнять душою,
чтоб эти площади и эти рынки
от малой вымокли
твоей слезинки.

Упав локтями на холмы окраин,
будь над путями,
над любым трамваем,
над тополями,
что боятся вдоха.
И не касайся их,
не делай плохо.

Потом подумай
о такой причуде:
все слезы выплавав,
вернуться в люди.

По горькой сырости,
босой душою.
Попробуй вырасти
такой большою —
и в том оплаканном тобою
мире
жить в той же комнате
и в той квартире.

1967

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Все снаружи в тепле,
Только в доме прохладно...
Ты спишь,
Обеспечив сквозняк.
В занавесках колеблется тишь,
Но идет, нарастая,
Шум ветра,
И, миг погода,
Задевает подушки
Насыщенный запах дождя.
Сколько разных названий
В уме возникает моем!
Крыша. Клумба. Деревья.
Трава. Паровоз. Чернозем.
Все, что вдуло в окно,
Весь огромный, как туча, пейзаж
Моросит, и вздыхает,
И молится на карандаш.
Мороси, мороси.
Хоть всю ночь мороси,
Отпоешься —
Хоть молчком отпоешься,
Глядишь, и в живых остаешься.
Из колечек, подковок,
Крючков
Алфавита родного,
Смотришь, дождик и сложит
Свое морозящее слово

И к утру на дыханье,
На нежном одном морошенье
Паровозы внесет
Вместе с насыпью
В стихотворенье.
Все, что вдуло в окно,
Моросит и вздыхает...
Ты спишь,
Обеспечив сквозняк.
Тишина от заборов до крыш.
Лишь часы моросят,
Да кузнечики,
Да иногда
По невидимым рельсам
Невидимые поезда.

1967

ПЕЙЗАЖ С ДОРОГОЙ

Интеллигентной милой недотрогой
Сидела б дома возле мамы строгой,
Задумав свой лесной пейзаж с дорогой.

Он целый год туманился во мне.
И в тишине. И в шуме. И во сне.
Я рассказал — ты тут как тут.

С треногой.

Знай, черный ворон каркает в лесу.
Не «никогда», а «навсегда» вопит он.
Поскольку плохо, видимо, воспитан.
Сосну заденет, мглой веков пропитан,
Сосна роняет иглы и росу.

Огромный бор. Он нынче свеж и темен.
Поскольку ливень тоже был огромен,
Как ворон древен и как голубь чист.
А ты, мое любимое создание,
Уже бежишь, не приходя в сознание,
Когда к тебе осина тянет лист.

Стой, у рябины — ягоды в горсти.
Возьми. Знакомых дома угости.
Черт надоумил взять тебя с собой.
Да. Я влюблен в свою же ученицу.
И даже хоть сейчас готов жениться...
Какой, однако, все же разнбой.

Столбы лучей сияют меж стволами,
Взлетает ворон, каркая над нами
Уже по-иностранному почти.
На «невермор» от злости переходит.
От черных крыл вершины так и ходят.
А ты дрожишь. Тебя волнение сводит,
Я понимаю, бог тебя прости.

Ты говоришь: а где пейзаж с дорогой?
Вот это все и есть пейзаж с дорогой.
А впрочем, там, за выселкой убогой,
Есть электричка... Клумбы. И пути.

Я повторяю: вот пейзаж с дорогой.
Гуляй. Но красок масляных не трогай.
Ширяет черный ворон над треногой
В художническом пристальном лесу.

Он чует запах, душами пропитан.
Не «никогда», а «навсегда» вопит он.
Качнет сосной, поскольку так воспитан,
Сосна уронит иглы и росу.

Еще ты будешь счастлива, я знаю.
Смотри, как тянет просека лесная.
Ее считать дорогою не след.
Вернусь сюда один. На склон пологий.
Под шум вершин. Я не собьюсь с дороги.
Я не скажу тебе, что весь секрет
В том, что дороги не было и нет.
Она пройдет сквозь строй стволов — в итоге.
Просветом. Птицей... Мало ли примет?

1969

МОЛЕНИЕ О РАЗЛУКЕ

Пишу, а сам уже не понимаю,
Кого письмом нелепым донимаю,
Кому, зачем, о чем напоминаю?
Вы все смешались у меня в уме.

Еще чуть жив один последний абрис,
Но я забыл его обратный адрес,
Он так расплылся, этот абрис бедный,
Как бледный промельк чей-то в полутьме.

Я уходил — меня вы находили.
Я приходил — вы тотчас уходили.
Так, значит, что ж, разлуки все же были?
Ведь вы навзрыд холсты мои рубили,
Сбегали плача (от любви ко мне?).

Я понимаю, это очень трудно —
Знать, что художник: это неподсудно.
И не ославит, и что есть, оставит.
Ну разве что прославит.

«Но кого?
Ведь на ином московском вернисаже
Себя самой и не узнаешь даже.
А вся толпа опять вокруг него.
А где же дни, что были все короче,
А где же те промотанные ночи,

Невесть зачем проплаканные очи?
Бежать, бежать! Иначе кто кого?
Какое «испытанье на разрыв»?
Вы! На разрыв испытывали женщин
Те, кто увенчан,
И те, кто развенчан.
Как сладок был кратчайший перерыв.

В индустриальном явимся пейзаже.
Со счетоводом полежим на пляже.
Устроимся. Найдем.

Но все же даже...
Какой-то отблеск ваш — зачем он жив?»

Любимая, прости. Я не премину.
Но я сейчас пишу одну картину!
Но я забыл: с которой говорю?

Я вспомню всех. Но я ломаю руки.
Ведь я пишу картину о разлуке.
Я вас любил. Любя, а не от скуки.
И за разлуки
не благодарю.

Я вспоминаю только встречи, встречи,
Чистейшие, как снег, черты и речи.
Улыбки ваши, слезы, очи, плечи,
И жду свою последнюю зарю.

1969

* * *

На влажные планки ограды
Упав, золотые шары
Снопом намокают, не рады
Началу осенней поры.

— Ты любишь ли эту погоду,
Когда моросит, моросит...
И желтое око на воду
Фонарь из-за веток косит?

— Люблю. Что, как в юности, бредим,
Что дождиком пахнет пальто,
Люблю. Но уедем, уедем
Туда, где не знает никто...

И долго еще у забора,
Где каплют секунды в ушат,
Обрывки того разговора,
Как листья, шуршат и шуршат.

* * *

Боже, как ей все это знакомо.
И внезапные вспышки, и бред
Полуночных побегов из дома
На одну из соседних планет.

И внезапные, как наущенья,
Возвращения с кипой стихов,
Чтение вслух и момент отпущенья
Тех коварных, как детство, грехов.

Боже, как ей все это известно,
Как от буквы до буквы ясны
Те стихи, где черты ее лестно
Карандашиком обведены...

* * *

Дышала беглым холодом вода.
Осенний ветер горек был на вкус.
Неву оставив, мы сошли тогда
У самой Академии искусств.

В тени молчали пары, млели мхи.
Ветвистый сумрак сверху нависал,
И я тебе рассказывал стихи,
Которых я потом не написал.

* * *

А я и не помню ни первой любви,
Ни первого поцелуя.
Последние — помню (как губы в крови
От драки напропалую).

Не помню подушек, от плача сырых,
Ни слов о каких-то там нервах.
Как будто, что было тогда, во-вторых,
А то, что теперь, во-первых.

Но страх навещает меня иногда.
И я, искушая терпенье,
Ловлю тебя за руку, как навсегда
Упущенное мгновенье.

СНЕГ ЭТОГО ГОДА

Да, это снег... Такие горы пуха!
Почти неразличимые для слуха,
Но чрезвычайно видные для глаза
Путем сплошного, в общем, непролаза.
Как от тебя, легчайшего, светло!

Мы стали так к своим любимым чутки.
Берем их под руку, себе назло,
Но как уйти из телефонной будки,
Когда ее по крышу замело.

Да, это снег... Мне не хватает духа
Сказать, что он, как белая разруха,
Или как золото, или серебро.
Иди! Желая — «ни пера ни пуха».
Хотя при чем тут пух или перо.

Я не люблю классических сравнений,
Поскольку я давно уже не гений,
А наконец-то просто человек.
Я до своей подруги дозвонился.
Я схлопотал свое. Остепенился.
А ты нисколько не переменялся.
Ты самый наш, ты самый русский снег.

Нет телефона на опушке леса,
А то б я позвонил для интереса
Одной кукушке: как она живет,
Что накукует, если запоем?

(Шел некий конкурс. И один поэт...
Он выиграл поездку по России.
А не по Англии. Он был обижен.
Он рассердился. Он пылал во гневе.
Его язык маячил над жюри,
Несправедливо премии раздавшим.
И я считаю, что нес-пра-вед-ливо.
Как может Вестминстерское аббатство
Не повидать такого человека).

Лети, мой снег, кружись над головой.
Долепливай, что мы не долепили.
Столбы, карнизы. Улучшая стили.
Так весело и чисто. Я с тобой.

Кружись, танцуй, хоть нам не до танцулек,
И уходи все дальше по Руси,
Но на весенний вернисаж сосулек
Хотя б снежком последним

пригласи!

1970

МАЙ ЭТОГО ГОДА

Мы снова станем тайной и загадкой
И для других, и для самих себя...

Снег отличался лисьёю повадкой,
След заметал, себя же торопя.
Взмах фонаря во тьме, как взгляд украдкой,
Шуршание поземки, как слушок,
Сугробов низких серый бережок —
Вот все, что ночью позднею тебя
Сопровождало. Вроде полусна.
Когда ты шла домой. Уже одна.

Мы снова станем тайной и загадкой
И для других, и для самих себя...

Я жил с какой-то смутною догадкой,
Таких догадок очень не любя.
Возможно, в тот же час невдалеке,
Сминая снег, не тающий в руке,
По этому же городу ночному
Я шел один. Но город был другим.
С названьем тем же, но совсем другим.
В нем облака не слухами сорили,
А звездами легчайшими, как дым,
И чистоту зимы боготворили.
И ниспадали, и не пропадали,
И оба города не совпадали.

Возможно, в эту ночь, хотя не выюга,
А лишь поземка малая мела,
На улице, что нас двоих ждала,

Мы разминулись, не узнав друг друга.
Надолго...

А потом из-за угла
Не снег, а чья-то добрая услуга
Той ночи все итоги подвела.

Ты замечала? Стоит отвернуться,
Как все деревья тут же встрепенутся,
И, словно бы не прикасаясь к ним,
Их окружают зеленые созданыя,
Зеленый смех, зеленое порханье —
То, что листвою боязно назвать,
Настолько это

маленькие листья.

Я думаю, нельзя и высшей кистью
Их по отдельности нарисовать.

Гляди, как жаждут смелого побега
На волю травы городской земли.
Закрой глаза. Открой! Уже взошли.
Я думаю, что оба наших снега
Для почвы тоже даром не прошли.
(Кто там мелькнул и скрылся в чем-то зимнем,
Испуганно увидев нас с тобой?
Беги, беги! Я добрый, бог с тобой.)
Найдя дворы в зеленом, окна в синем,
Сам небосвод любит травой.
Старинный дом, не зная, не скорбя,
Залюбовался кранами и кладкой...

Все снова стали тайной и загадкой
И для других, и для самих себя.

Как в облегченье, в чистом пересвисте
И город весь, и пригороды все.
И словно вдруг очнувшиеся листья,
Твои глаза зеленые в росе.

1970

* * *

Эта память как странное зимнее озеро,
Что зима вплоть до лунок совсем заморозила.
И стоишь перед ним. И боишься весны:
Вдруг оттают и тайны, и весла, и сны,

Это было давно, в декабре, в феврале.
Все оттает на новой зеленой земле.
Но опять оживут — что нам делать тогда? —
Неприязни, замерзшие в те холода.

Эта память как странное рыхлое озеро,
Что зима вплоть до лодок совсем заморозила.
Продолжался бы снег. Не спешил бы апрель.
Начинается первая ваша капель.

1971

ПЕРЕМЕНЫ

Завидовать нечему. Осень
Подкинула несколько дней
К началу весны. С безголосьем
Лесов и безличьем теней.

Снег выдал, как только растаял,
И лес, и листья на земле
В том виде, в каком их оставил
Октябрь, уступая зиме.

Огромные желтые кочки.
В сухой паутине паук.
И ласточки, поодиночке
На небе возникшие вдруг.

Слетались они и сплетались
(Потом появлялись стрижи),
Их на небе обозначались
Невидимые чертежи.

Завидовать нечему. Осень
Подкинула несколько дней
К началу весны. С безголосьем
Лесов и безличьем теней.

Я помню,
                    что желтой землю, —
Как будто бы нам по пути, —

Я с девушкой шел неземною,
Велевшей, куда мне идти.

Меня не томило тиранство.
Я думал, что это любовь.
И мучит меня постоянство,
Хоть все не появится вновь.

Мне дорого то, что весной
Меня посетили они
(Как будущее за спиной),
Осенние дальние дни.

И странная девушка эта,
И листья в сырой тишине,
На дереве мертвого цвета
Возникшие как бы извне.

1968

Говорят, ты играешь слабо —
Отсебятины слишком много.

Это к лучшему. Так! И выше.
Облака как немая карта.
Вьются клочья большой афиши,
Как последние хлопья марта.

1967

* * *

И самый юный в мире дождь
Исчез за первым поворотом.
И показалось: ты идешь
По тротуарам, как по нотам.

И я впервые ждал, тобой
Тебе навеки посвященный,
Как переулок голубой,
Не камнем — лунами мощный.

Был в лужах весь окрестный свет,
А их оставил дождик краткий,
Как перевернутый ответ
Под легкой детской загадкой.

Ведь воробьиной тишины
Мерцала первая отрада.
Ведь больше не было войны
И было в мире столько лада.
И снова голубь ускользал
От голубей в иные сети.
И я тогда еще не знал,
Что нет единственной на свете.

1968

* * *

Нет школ никаких. Только совесть,
Да кем-то завещанный дар,
Да жизнь, как любимая повесть,
В которой и холод и жар.

Я думаю, припоминая,
Как школила юность мою
Война и краюшка сырая
В любом всероссийском раю.

Учебников мы не сжигали,
Да и не сожжем никогда,
Ведь стекла у нас вышибали
Не мячики в эти года.

Но, знаешь, зеленые даты
Я помню не хуже других.
Черемуха... Май... Аттестаты.
Березы. Нет школ никаких...

* * *

Памяти А. Фатьянова

Друзья мои, не умирайте.
Не засыпайте насовсем.
Ложитесь спать, но и вставайте,
Неважно, в десять или в семь.

Чтоб не стоял я, как под дулом,
Под вестью, бьющей на ходу.
Чтоб я на кладбищах не думал.
Пусть лучше раньше я уйду,
Друзья мои.

Не исчезайте,
Не покидайте мрак и свет.
Что люди есть, не уверяйте.
Других таких на свете нет.

Но если час придет и свалит,
И погребет ваш лик земной,
Я буду с вами, буду с вами,
Как вы, хоть изредка, со мной.

* * *

Поймай меня на том, на чем нас ловят,
На пустяке, неосторожном слове.
Прошу, попробуй вымани секрет.
Я всех болтливее и бессловесней.
И запиши.

И это будет песней,
Которую ищу я с детских лет.

* * *

Пластинка должна быть хрипящей,
Заигранной... Должен быть сад,
В акациях так шелестящий,
Как лет восемнадцать назад.

Должны быть большие сирени —
Султаны, туманы, дымки.
Со станции из-за деревьев
Должны доноситься гудки.

И чья-то настольная книга
Должна трепетать на земле,
Как будто в предчувствии мига,
Что все это канет во мгле.

1967

ЧУЖАЯ КНИГА

После дней обаянья,
После белых ночей
С этой книгой свиданья
Все нежней и горчей.

Это очень похоже
На ближайший отлет.
Гул винта, как по коже,
По обложке идет.
Средь вокзального быта,
Вся — поющая, вся
На скамейке забыта,
Остающаяся.

Не средь шумного бала,
А под вопли грачей
Ты меня испугала
Страхом юных ночей.
Невозможностью слиться,
Невозможностью взять
И отдать, и открыться,
То есть все рассказать.

Невозможность я в и т ь с я
И в любом пустяке
Невзначай воплотиться,
Как дано пустельге.
На скамейке, подмокшей

От весеннего льда,
Голос, не превозмогший
Красоты и стыда.

Это даже не слово,
Что в сердцах говорим...
Дивный слепок с чужого,
Населенный своим.

* * *

...Птица малая лесная...

А. Пушкин

Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

На краю бузинного оврага
Стой и не дыши.
Сквозь туман просвечивает зелень,
Клейкая пока.
Где-то здесь, среди ее расселин,
Он наверняка.

Вот! Ни с чем, конечно, не сравнимый
Сколок с пенья льдин.
Первый, пробный, но неоспоримый.
Вот еще один.
Вот опять! Раскатисто и тесно.
Тишь... В листьях куста
Происходит перемена места —
Веточка не та.

И покуда тишь не раскололась
Льдиною на льду.
Есть во всем
Извечный жаркий голос:

«Что же ты, я жду?»
Замиранье целого оврага,
Листьев и души.
Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

* * *

Белые гнезда снега
Тают под переклик
Птиц, осадивших небо
Пристанционных лип.

Насыпью, там, где тает
Наст под березняком,
С грохотом пролетает
Ветер порожняком.

Там, перед ним — перроны,
Встречные города,
Встречные перегоны,
Встречные поезда.

Солнце по всем Россиям
Фабрик и деревень.
И облака на синем
Белые, как сирень.

1968

* * *

Все время чувствую вину.
Одну. Потом еще одну.
Когда судьба и не судьба.
Когда не рано и не поздно.
Вину тирана и раба.
Вину больных и вши тифозной.
Все время чувствую вину.
Как будто я разжег войну,
А не она меня палила.
Все время чувствую вину.
Бессилье это или сила,
Когда и малую твою
Я ощущаю, как свою.

1969

СОЛОВЕЙ

Птицы свищут в мокрых перехлестах
Ветра и ветвей.
Где-то там, без памяти о гнездах,
Замер соловей.

Сколько в свистах новостей, посылок,
Радостей лучу!
Только голос вдруг, как после ссылок:
«Я домой хочу».

И дрожмя дрожит листва сырая,
Лепестки бренчат.
Это — он! О гнездах забывая,
Певчие молчат.

Но как только, отпылав, отщелкал,
Замер соловей,
Все опять по гнездам, тихомолкам
Дупел и ветвей.

Лишь трава пятнистая, ночная
Встрепенется, чу!
«Я домой хочу, куда — не знаю,
Я домой хочу».

НОЯБРЬ

В мое отсутствие...
В мое отсутствие деревья
Так обеднели, похудели,
Они так много потеряли
В мое отсутствие.

В мое отсутствие сломали
Дом двухэтажный деревянный,
И всех жильцов переселили
В мое отсутствие.

В мое отсутствие возникли
Чужие сны, чужие вздохи.
Был кто-то выпущен и впущен
В мое отсутствие.

Тот здесь ходил и отражался,
Тот говорил и улыбался,
Тот делал то, что я, не больше,
В мое отсутствие.

В мое отсутствие деревья
Так обеднели, исхудали,
Они так много потеряли
В мое отсутствие.

Мне не вернуть им этих листьев,
Как не вернуть былого дома.
И впредь да будет незаметным
Мое отсутствие.

НОЧНОЙ ЦИКЛОН

Алеко Шенгелиа

Дул ветер в феврале в Тбилиси,
Гремя железом листовым.
Гремели форточки. И листья,
Гремя, неслись по мостовым.
Как будто в тучах звездной пыли
Тот дом несло за горизонт,
Где мы, Алеко, стоя пили
В честь заболевшего Резо.

Но лишь тогда, когда иссякли
Признанья дружбе и стиху,
Все стало так, как в чистой сакле,
Там, на божественном верху.
И мне подумалось за смутой,
Что то не ветер, ты не прав,
То плачет демон пресловутый,
Любимой адрес потеряв.

Где он берег его? На листьях?
На ныне взорванной скале?
...Вот ветер был какой в Тбилиси.
Какой был ветер в феврале!..
Гора крупнела на рассвете,
Но и чрез гору, до конца,
Тот перекаtywался ветер,
Как стих бездомного певца.

Это просто вечер был такой.
Облаков безветренный покой.

И такая мирная земля.
И такие тихие поля,

Что и ясень, листьями рябя,
Шелестел не вслух, а про себя.

И когда прощалась ты со мной,
То сказала: «Не грусти, родной.

Это просто вечер был такой,
Что прошлись тропинкой мы одной.

Это просто вечер был такой,
Чья-то песня в поле за рекой.

Тишь была. Черемуха цвела.
Над землею радуга плыла».

НОВЫЙ СНЕГ

Не хочу я идти домой.
А хочу быть самим собой.

Вот на ветках висят сосульки,
Будто флейты или свистульки,
Вот на ветках комки, комки...
Будто кто-то играл в снежки.

Будто были, в снежки играли,
Разлюбили и убежали.
И остались снежки висеть
На ветвях, как клубки, как сеть.

Не хочу я идти домой,
А хочу быть самим собой.

Потому что мне
                                этот снег,
Словно родственник человек.

Не хочу по телефону аукаться
С тем, что мне почти незнакомо,
Потому что только на улице
Я чувствую себя как дома.

Вот на ветках висят сосульки,
Будто флейты или свистульки.

1970

* * *

Мне зима залепила в стекло снежком,
Чтобы выглянул я скорей,
И за дерево спряталась. Снег пешком
Шел до самых твоих дверей.

Подошел и, колеблясь, застыл в окне,
Чтобы глянула хоть чуть-чуть.
Это клочья записки твоей ко мне.
Это я за углом топчусь.

Мне зима залепила в стекло снежком.
Чтобы выглянул я скорей.
Это ты позвала. Это я пешком
Шел до самых твоих дверей.

СТИХИ МАРИАННЕ

I

А мне надоело скрывать,
Что я вас люблю, Марианна,
Держась и неловко и странно,
Невинность, как грех, покрывать,

Мечтать о балконе твоём,
О дереве на перекрестке,
Где ждали, наверно, подростки
И ждут... Ну а я-то при чем,

Раз мне надоело скрывать,
Молчать глубоко и пространно,
Что я вас люблю, Марианна,
Невинность, как грех, покрывать.

II

Счастливое славя житье,
Вдруг личное счастье представив,
Я выдумал имя твое,
Из двух его нежно составив.

Вот Машенькин дом под сосной,
Вот Аннушкин дом под березой...
В России, как в сказке лесной,
Недолго надышишься прозой.

Конечно же, помню и я,
Что имя твое долгосрочно.
Но все же его для тебя
И я сочинил. Это точно.

По городу Машенька шла,
Узнав меня, вкось поглядела...
Такие уж, видно, дела.
Такое уж, видимо, дело.

Прощайте, и дни и часы.
Доверчивости и опаски.
Нельзя! Но я выпью росы
За ваши Анютины глазки.

* * *

Дождь оборвал на полуслове.
Качнулись желтые круги...
Твои шаги теперь во Пскове,
В Михайловском твои шаги.

Льет дождик, пахнувший полынью,
Над омраченную Москвой.
Мне хорошо, что ты под синью,
Что ты под зеленью святой.

С каких-то лип очей не сводишь,
Твердишь рассеянно «да-да»...
Мне хорошо, что ты там ходишь,
Ведь я там не был никогда.

БЕССОННИЦА

Почему ты не спишь и глядишь в окно?
За окном никаких происшествий нет.
Только листья шумят, только дождь идет.
Ты кого-нибудь ждешь? Не придет никто.
Потому что все спят. И дождь прошел.
Даже мокрая бабочка в раме спит.
Отдохни, никаких происшествий нет.
За окном не горит ни одно окно.

Я не сплю потому, что не спит трава.
И влажнеет земля от большой росы.
И кузнечик задумался: может, встать
И оспорить какие-нибудь часы?
Я не сплю потому, что у всех застав
Отдыхают стволы от дневной жары.
Я не сплю потому, что не спит вода,
А куда-то бежит, как твой года...

1973

* * *

М. Роговской

Ты плачешь в зимней темени,
Что годы жизнь уводят.
А мне не жалко времени,
Пусть оно уходит.
Оно так долго мучило
Своим непостоянством,
Что мне с ним жить наскучило,
Как дорожить тиранством.
Я так боялся сызмала
Остаться в жалком прахе.
Я делал все.

Но сызнова
Томился в том же страхе:
Бежит, бежит, не поймано,
Не повергаясь в трепет,
Что мне своей рукой оно
Лицо другое лепит.

Ты плачешь в поздней темени,
Что годы жизнь уводят?
А мне не жалко времени,
Пусть оно уходит.

Есть в нашей повседневности
Одно благое чувство,

Которое из ревности
Дарует нам искусство, —

Не поддаваться времени,
Его собою полнить
И даже в поздней темени
О том, что будет, помнить.

Не надо плакать, милая,
Ты наших поколений.
Стань домом, словом, силою
Больших преодолений.

Тогда и в зимней темени
Ты скажешь и под старость:
А мне не жалко времени,
Уйдет, а я останусь!

1971

* * *

Упаси меня от серебра
И от золота

свыше заслуги.

Я не знал и не знаю добра
Драгоценнее ливня и вьюги.

Им не надо, чтоб я был иной,
Чтоб иначе глядел год от года.
Дай своей промерцать сединой
Посреди золотого народа.

Это страшно — всю жизнь ускользать,
Убегать, уходить от ответа.

Быть единственным —

а написать

Совершенно другого поэта.

1973

В первые солнца мои,
В самые первые ночи
Иволги и соловьи
Пели намного короче.

Но, как часы на суку
Или лесная церквушка,
Долго, так долго «ку-ку»
Нам говорила кукушка.

Кажется вечной она,
Эта незримая птица...
Я и теперь дотемна
Слушал бы, если случится.

В дымке зеленых ветвей,
В рощах — все дальше и дальше...
Но чем кукушка скупей,
Тем соловьев у нас больше.

Я удивляюсь тому,
Как эти зелень и жемчуг —
Что обещаая — во тьму
И гроыхают, и шепчут!

А воробей на окне,
Все принимающий числа,
Так и чирикает — вне
Определенного смысла,

АНДРОНИКОВ МОНАСТЫРЬ

Кричали галки, как хотелось
Им над соборами кричать,
А мне те сумерки хотелось
Рукой для Машеньки поймать.
Не умерли, не умерли
Одной любви благодаря
Те сумерки, те сумерки
Андроникова монастыря.
Ни росписи царей неслышимых,
Ни подписи кистей возвышенных.

Не умерли, не умерли
Твоей любви благодаря
Те сумерки, те сумерки,
Когда шел снег, в ветвях паря
Над желтизной календаря
Андроникова монастыря,
Когда остановились мы
И поняли, что это — мы
В рублевском свете фонаря.

Не умерли, не умерли
Одной любви благодаря
Те сумерки, те сумерки
Андроникова монастыря.
Все в памяти: и белый ангел,
И снег, и «Михаил Архангел» —

Все в нашей памяти до слова,
Тобой не сказанного. Снова.

А так летел наискосок
Снег на иконный твой висок
Под небом, где иконастас
Не упасал, мадонна, Вас...
А за стеной, хоть в лужах плыли,
Хоть и в снегу, и в лужах плыли,
Молчали все автомобили,
Как будто отдан был приказ.
А это были, это были
Часы дозволенных сигналов.
Был гололед...

Лишь стаи галок
Приветствовали нас.

Пусть небосвод был невысок.
Дышал я там в родной висок,
Я там дышал в родной висок
Окрестностям благодаря.
Мы осмотрели все картины,
Карнизы даже и куртины,
Снежинку каждую и лист,
Из нас был каждый чист.

Не умерли, не умерли
Одной любви благодаря
Снежинки в свете фонаря.
Да будем благодарны склонам,
Февральским снегом занесенным,
Бойницам неперекошенным
В рублевском свете фонаря.

Вот так летучими бы мышами
Там побывать, легко паря,

Где столько душ,
                                                никем не слышимых,
Витают, жизнь благодаря.
В рублевском. Свете. Фонаря.
Нас привезли с тобой сюда
Не ангелы, а поезда.
А может быть, а может быть,
И ангелы, и поезда.

Ведь только здесь себя постичь
Мы, Машенька, смогли под клич
Тех галок, что нам были звоном...

Не умерли, не умерли,
Как подобает всем влюбленным,
Ни сумерки, ни эта птичь,
Где на венчальный наш кирпич,
Андрониковский наш кирпич,
Шел с торжествующим поклоном
На москворецкий наш кирпич,
На обручальный наш кирпич,
На красный, тающий кирпич
Снег, охраняемый законом.

* * *

С. Наровчатову

Отбрасываю в сторону стихи.
Мне надо видеть то, что за стихами.
Случившееся. Даже пустяки
Какие-нибудь... Легкое дыханье,
Стеклом запечатленное на миг
В каком-нибудь автобусе... Рисунок
Плюща, ветвящегося по стене,
Как паутинки трещин... Или сумрак
В саду, где жизнь, не ведомая мне,
Чужая фраза, полная волненья:
«Так и скажите ей или ему!»,
Обрывком чуждого стихотворенья
Упавшая в полуночную тьму.
И шум листвы. И чьей-то спички вспышка.
Или совсем нелепая ослышка,
Когда оглядываешься —
и нет...

Нет никого.

Я помню редкий свет
И улочки, где не видать ни зги,
И дождик сквозь невидимое сито.
Я заплутался как-то. И шаги
Меня весь путь преследовали чьи-то.
Я останавливался. За углом
Мой останавливался догоняльщик.

* * *

Крыши намокли. Деревья опали.
Я и мои переулки в опале.
Вот уж которые сутки подряд
С нами не видятся, не говорят.

Это осенней поры перемены.
Вынуты рамы, и сдвинуты стены.
Это осенний развал и разлом,
Производимый добром, а не злом.

Шорох газеты отжившего века.
Вздых потерявшего все человека.
Здесь опадают, на диво легки,
Вместе с деревьями особняки.

Крыши упали, и клены опали.
Я и мои переулки в опале.
Вот уж которые сутки подряд
С нами не видятся, не говорят.

Как-то неловко глядеть на обои.
Видеть, что было за дверью любою.
Только луна, как непрощенный гость,
Каждую комнату видит насквозь.

Это же переселение душ!
Где-нибудь увеселенья к тому ж.

Но еще память моя не ушла
С улицы той, где так долго жила,
И назначает свидание все ж,
То, на которое ты не придешь,

Там, где глядит, как печальный сподвижник,
Старый фонарь на опальный булыжник.

Не торопись. Погоди. Обожди.
Скоро пойдут проливные дожди.

Не говори мне того, что я сам
Скоро узнаю по чьим-то глазам.

Не торопись. Помолчи. Погоди.
Ведь у меня еще все впереди.

Тают дороги. Ломаются льды.
Дай постоять на пороге беды.

ВЕЧНОЙ

Хочу писать стихи о том,
Что я хочу писать стихи.
Про все на свете. На потом
Иль на сегодня. Но стихи.
Так разбегаются глаза
То за ручьем, то за листом.
Хочу писать стихи о том,
Что разбегаются глаза.
Что я хочу на слух, на цвет
Определять не знаю что.
Что для меня весь белый свет
Сегодня в розовом пальто.
Что на заре стоят дома,
Как декорации домов.
Что я почти сошел с ума
От ваших звонких каблучков.

Хочу писать стихи о том,
Что слышно в воздухе пустом,
О журавлях,
    о мотыльке,
Что с вечностью накоротке.
Что бесполезное — не зло.
А может пользу принести.
А может, даже принесло,
Как зайчик солнца на горсти.
Перенимай.
    Перенимай

У непокоя непокой,
Неуловимое поймай.
Не обязательно рукой.
Шумит береза надо мной
Нераспустившейся листвою,
Что листья даже зеленой,
Когда их нет еще на ней.

Гербарий сырых тротуаров,
Легчайшие в мире шаги.
Как самый цветной из пожаров —
Волненье листочной пурги.
Березы, акации, клены
Даруют листья, как цветы,
Душе молодой и влюбленной,
Такой же красивой, как ты.
В сплетенье кругов и полосок,
И звезд, рыжеватых на цвет,
Весенний летит отголосок:
«Ты любишь меня или нет?»
И, не дожидаясь ответа,
Под ветром большой синевы
Твой зонтик лимонного цвета
Уносится в вихре листвы.

Красивый, старый, черный дом,
Ведь и такой случится час,
Что некий день, задев бортом,
Перенесет куда-то нас.

Я даже рад, что я поэт,
Что и потом смогу *сказать*,
Когда весь этот белый свет
Я перестану осязать.

Красивый, старый, черный дом,
Ты показался нынче мне
Раззеленевшимся кустом,
Расцветшим в полной тишине.

Что говорить о тесноте
И поминать о примусах.
Есть и в наружной красоте
Такая даль, как в небесах.

В какой несбыточный музей
Перенести твое крыльцо,
Где мне и в сумраке ночей
Светили руки и лицо?

Красивый, старый, черный дом,
Ты показался нынче мне

Раззеленевшимся кустом,
Расцветшим в полной тишине.

А воздух помнит все дома,
Запечатлевшиеся в нем,
Как память сердца и ума,
Красивый, старый, черный дом.

ТЕЛЕФОН

— С утра такой дождливый день.
Все крыши точно набекрень,
А все деревья так стоят,
Как будто это листопад.
Все оттого, что нет тебя.
— Да, Машенька.

— Вчера котенка я спасла.
Он вылетел из-за угла
И сразу, маленький, упал,
Чуть под колеса не попал.
Все оттого, что нет тебя.
— Да, Машенька.

— А знаешь, в проходном дворе
Щенок заплакал в конуре
О том, что выпал из гнезда
Птенец, не знающий куда...
Ты, как всегда, недоглядел.
— Да, Машенька.

— С утра дождливый день такой.
Все оттого, что ты плохой,
Что мы не виделись с тобой,
Не знаю, век уже какой,
Что забываю я тебя...
— Нет, Машенька.

РАЗЛУКА

Боже мой, разве
Это разлука?
На расстоянии улицы,
На расстоянии площади,
На расстоянии нескольких
Тысяч шагов.

Боже мой, разве
Это разлука?
Это же праздник,
Дивная мука
На расстоянии улицы,
На расстоянии площади,
На расстоянии нескольких
Тысяч шагов...

Можно молчать — ни слова,
Можно гадать и ждать,
Но постоянно знать,
Что от живой до живого
Все же рукой подать.

* * *

Листья летят, как утраты
Невосполнимые, — в тишь.
Белыми стали квадраты
И треугольники крыш.

Похорошела ворона.
Дворник нарушил пейзаж.
Многое видно с балкона,
Если высокий этаж.

В белых и синих накрапах
Там — ни названий, ни лиц.
Птицы на уровне шапок,
Шапки на уровне птиц.

Вместе и зелень, и млечность.
Нет еще зимних тиранств.
Милая недолговечность —
Лучшее из постоянств!

И, как мечтательной кистью
Брошенные второпях,
Белые, белые листья
На голубых тополях.

ДОМ С МЕЗОНИНОМ

Прощайте, Машенька, прощайте.
Пришла ушедшая пора...
Меня, как Дом, не замечайте,
Ведь дождик льет как из ведра.

Я буду рад, слегка отъехав,
Что Дом, не зная почему,
Стоит задумчивый, как Чехов,
И
    улыбается
        всему.

Здесь были мы других не хуже.
Нам было по семнадцать лет.
И тополиный пух на лужи
Летел, как бабочки на свет.

И вишни, близкие к удару,
Шумели в лад, вбежав во двор,
Как исполняя под гитару
Сквозной мотив из «Трех сестер»

...Машинка, как сороконожка,
Все, что угодно, перешьет...
А Дом подлечится немножко
И Автора переживет.

Прощайте, Машенька, прощайте!
Живите с веком наравне.
Но никому не обещайте,
Что обещали только мне.

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Кто-то где-то пишет песню
На чужой мотив...

Дремлет женщина на Пресне,
Косы распустив.

Город весь от снегопада
Как в лесной глуши...

Ничего-то ей не надо
От твоей души.

...Хлопья просто обалдели.
Что ж это за пляс!

Говорила: — Две недели
Думаю о вас.

Как вы мучаетесь, милый.
Я тому вина.
Может, встретимся, пожалуй,
Дома у меня!

И ушла через столицу,
Через снег рябой,
Свои синие ресницы
Заслонив рукой.

Отпирают люди двери.
Зажигают свет...

В ваше да я не поверю.
Потому что — нет.

...От автобусного шума
Чуть дрожит стекло...

Отчего мне так угрюмо,
Ветрено и зло?

Может, сказку кто поведал,
Байку рассказал,
Как кого-то кто-то предал,
Пальцем показал?

Ничего такого нету.
Есть, да не у нас.
Просто кто-то, просто где-то
Писем ждет от вас.

С ним ты хочешь днем покоя,
А со мной во тьме?

У меня совсем другое
Было на уме...

Вам вверяю злое слово
Только оттого,
Что не надо мне чужого.
Хватит своего.

Так верней, так интересней.
Так я буду жив.

...Кто-то где-то пишет песню
На чужой мотив.

* * *

Я к дороге так привык,
Что не знаю, где мой дом.
Туполицый грузовик
Пробирается с трудом.
Воздух холоден и сыр.
Слева — в ватнике шофер,
Справа — левый пассажир.
Это я на этот раз.
Неприкаянно курю.
Не свожу с дороги глаз.
Ни о чем не говорю.
Двигай, милый грузовик,
Как и прежде, напрямик.
Начинается зима.
Проявляются дома.
Говорят, что этот дом
Намечается на слом.
Но и новая стена
Будет тоже снесена.
Пусть от дома твоего
Не осталось и следа.
Что бездомность? Ничего.
Бездорожье — это да.

Мне не может никто и не должен помочь,
Это ты понимаешь сама.
Это ранняя рань, это поздняя ночь,
Потому что — декабрь и зима.

Это скрип одиноких шагов в темноте.
Это снег потянулся на свет.
Это мысль о тебе на случайном листе
Оставляет нечаянный след.

А была у тебя очень белая прядь,
Потому что был холод не скуп.
Но она, потеплев, стала прежней опять
От моих прикоснувшихся губ.

Ты шагнула в квадратную бездну ворот.
Все слова унеслись за тобой.
И не смог обратиться я в тающий лед,
В серый сумрак и снег голубой.

Я забыл, что слова, те, что могут помочь, —
Наивысшая грань немоты.
Это ранняя рань, это поздняя ночь,
Это улицы, это не ты.

Это гром, но и тишь, это свет, но и мгла.
Это мука стиха моего.
Я хочу, чтобы ты в это время спала
И не знала о том ничего.

* * *

Ты говоришь, что все дела:
Тянуться вверх, идти на дно.
Но ты со мною не пила
Мое печальное вино.

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.

И тем, что жизнью обделен!
Живет, лишь гривной дорожа,
Мне ближе и большее он,
Чем ты, притвора и ханжа.

Да и пишу я, может быть,
Затем лишь, бог меня прости,
Чтоб эту стенку прошибить,
Чтоб эту душу потрясти.

ТИХИЙ СНЕЖОК

Я взглянул из окна.
Там деревья стояли под снегом,
Люди шли,
А сугробы
Тихонько росли от снежинок.
Показалось, что детство,
Что надо куда-то за хлебом...
Или нет — до войны,
Самой синей из белых тропинок.
Я хочу, чтоб фонарь
Колебался в мерцающей сети
И не гас раньше времени...
И чтобы руки не стыли
В темноте,
Под бомбежкой...
Я очень хочу,
Чтобы дети
Дольше были детьми,
Дольше
Взрослые взрослыми были.

ТЕПЛО

Бабушкино одеяло
Пахло кирпичным теплом...

Бабушка, мало-помалу
Твой забывается дом.
Белые плитки лежанки.
Детская горка зимой.
И те волшебные санки,
Что не хотели домой.

Помню, беседка стояла
В зарослях сада шатром...
Бабушка, мало-помалу
Твой забывается дом.
Но не такая уж малость —
Нашего леса гряда,
Воздух, которым дышалось
Так, как потом никогда.

Вспомню и чашу наполню
В честь накренившихся ив.
Падали яблоки, помню,
Канувший белый налив.

Припоминал я, бывало,
В стужи ходя напролом:
Бабушкино одеяло
Пахло кирпичным теплом.

РОВЕСНИКУ

Испытание временем,
Испытание веком,
Испытание бременем
И родным человеком.
Испытание рифмами,
Бесконечно плохими.
Сухарем, логарифмами
Или двойкой по химии.
Испытание строчками,
Колдовавшими долго.
Испытание стройками —
Ангара или Волга, —
Испытание замятью,
Где одно только средство —
Испытание памятью
Опаленного детства...
И довольно застенчивой,
Но весьма величавой —
Испытание женщиной,
Испытание славой.

Обязательно выдюжить
И порадовать вестью.
Обязательно выдержать,
Обязательно с честью.

И, живя перемеченным
Метой празднеств и бедствий,
Быть в душе — незамеченным,
Знаменитым, как в детстве.

ШИПКА

Г. Джагарову

Я был болгаринoм полгода.
Текла весенняя вода.
Шумела южная природа
О том, что это навсегда.

А шли в душе дожди косые
И начинался листопад...
Вдали от пристальной России
Любой березке был я рад.

Писал: на Шипке все спокойно.
И все спокойно было там.
Ведь все отъявленные войны
Мы не влачили по пятам.

Легли и ново, и старинно
За этих девочек и птах.
И Казанлыкская долина
Вся встала в розовых цветах.

И встал народный,
а не царский,
И опаленный, и святой
На высоте орел болгарский,
Из русских пушек отлитой.

При чем тут рифмы, если розы
Мне дарят девушки легко,
И эти здешние березы
От наших так недалеко.

Я жил в Болгарии великой,
Я, как птенец ее, парил.
Цветы долины Казанлыка
Бургасским девушкам дарил.

Мне и российская природа
Напоминает иногда:
Ты был болгаринoм полгода —
Наверно, это навсегда.

РОМАШКА

Московское лето в разгаре.
Отпало цветение лип.
Теперь на любом тротуаре
Их нежных сережек изгиб.

Вот летчик прошел по Ордынке.
Куда и откуда — бог весть...
Вот бабочка, как на тропинке,
Летит на асфальте присесть.

Вот дети флажочками машут,
Как будто мы в мае опять.
И столько на свете ромашек,
Что можно хоть рай загадать.

Недаром вчера на Таганке,
Где пух тополиный парил,
Прекрасной одной гаянцанке
Я этот цветок подарил.

* * *

Мой учитель был берегом, улицей, домом
За сетями дождей, меж мостами двумя,
Парой книг на столе у меня, под альбомом,
Где шумела под корками юность моя.
Тени хлопьев летели скорее, чем хлопья,
Ветер славы чужой холодил до костей.
Я шепнул его строки, но встретили в копья
Мои слабые строки желанных гостей.
Мой учитель был дымом январских карнизов,
Жутким вздохом открывшейся враз полыни.
Я шепнул его строки, но гневно, как вызов,
Встали вдруг побледневшие строки мои.
Я его ненавидел за то, что предвидел
Он все то, что случится с ребячьей душой.
Но меня он ничем и никак не обидел,
Просто за руку взял и повел, как большой.
Я уже никогда не забуду об этом.
За сетями погод, за мостами двумя
Ученическим синим, морозным рассветом
Был учитель мой старый белее луны.
Был он первою каплей весеннего пенья,
Был последнею каплей терпенья

стиха,

Вырывавшего руку из повиновенья
И не знавшего больше, чем кража, греха.
Я шепнул его строки, стараясь потише,
Но шепнули мои: ничего, ты шепчи!
Поднимись и птенца, соскользнувшего

с крыши,

Подними, он живой, это наши грачи!
Это наши деревья, и почки, и споры.
И подрос, и под небо птенец мой ушел...
На столбах напевали птенцы и монтеры,
На окраине вновь зацветал частокол.
Из окна паровоза махнула мне кепка.
Я не сразу узнал эти роскиды верст.
Мой учитель был краном, что взял меня
И, смеясь, на крюке от себя перенес. крепко

КРЫША

Сначала некая зависимость
От долгих выдач и решений...
Потом паркетная зализанность
И целый ряд соображений.
И расстановка. Чтобы не были
Неинтерьерными детали.
(Ты получил — кому-то не дали,
Не получил — кому-то дали.)

А все-таки...

Вся жизнь минувшая
Должна остановиться где-то.
Все памятное, все мелькнувшее
Должно забыться до рассвета.
Все линии твои шоссезные,
Все насыпи и тротуары,
Все горести твои семейные
И бессемейные бульвары.
Должны слететься листья желтые
И хлопья многие собраться,
И дни,
    так плохо сбереженные,
Под общим кровом отоспаться.
Сады и сосны корабельные,
Леса плодоносящих звуков,
Грома и ливни колыбельные
Сойдутся, душу убаюкав.

И снова выдворит художника
Холстов несытая бездонность,
Как беспасожие — сапожника
Или строителя — бездомность.

* * *

Учись ваянию, ваятель,
Цени классический пример.
Ты понимаешь, как создатель,
Что нужен вкус и глазомер.

Но опасайся! Слишком ведом,
Оберегая твой резец,
Ведет к обманчивым победам
Неповторимый образец.

* * *

Я болен. Я в белой рубахе.
На белой лежу простыне.
Под белым теплом. Чьи-то ахи
И охи чуть слышатся мне.
То сходятся, то, расступаясь,
Расходятся. Что-то звенит.
Игла, так любовно касаясь,
Меня от чего-то хранит.
Я выздоровел. Я снаружи
В те самые окна гляжу.
Прекрасные грязные лужи
Старательно не обхожу.
Как выпущенный на свободу,
Я делаю все, что нельзя:
По льду, уходящему в воду,
Как малые дети, скользя.
Я выздоровел от простуды.
Я выздоровел от любви.
Вступают со мной в пересуды
Лишь голуби да воробьи.

* * *

Безвестность — это не бесславье.
Безвестен лютик полевой,
Всем золотеющий во здравье,
А иногда за упокой.

Безвестно множество селений
Для ослепительных столиц.
Безвестны кустики сиреней
У непрославленных криниц.

Безвестен врач, в размыве стужи
Идущий за полночь по льду...
А вот бесславье — это хуже.
Оно, как слава. На виду.

* * *

Заблудился я... Да и скворцы
Тоже в поисках долго сновали...
Эти здания — как близнецы,
Но хотят, чтобы их узнавали.

Типовые дома неплохи,
Может быть, даже вовсе не плохи.
Но зачем типовые стихи
Нашей быстротекущей эпохе?

СНЕГ

О, я еще не изучил
Его манеры и повадки.
Он не такой, он старой складки.
Его никто не приручил.

О том, что где-то вас не ждут,
Он вам нашепчет без запинки.
И будет рисовать картинки,
Какие в голову взбрдут...
И складывать свои снежинки.

Внезапно вздумает помочь
Тому, кто от безделья тужит,
Кому от темноты невмочь...
Вдруг выпадет. И обнаружит
Все, что хотела спрятать ночь.

ВСТРЕЧА

Шутка. Шубка. Взгляд мерцающий.
Монастырские ворота.
Синий, желтый, белый, тающий
Снег осеннего прилета.

И ряды стволов томительных,
Веток, выглядящих голо, —
Словно сонмы существительных
В ожидании глагола.

Заручиться любовью немногих,
Отвечать перед ними тайком —
В свете сумерек мягких и строгих
Над белеющим черновиком.

Отказаться, отстать, отлучиться,
Проворонить...

И странным путем
То увидеть, чему научиться
Невозможно, — что будет потом.
Лишь на миг.

И в смиренную строчку
Неожиданность запечатлеть.
Горьковато-зеленую почку
Между пальцев зимой
растереть.

* * *

Значит, жить? Значит, снова мечтать?
Возводить эти хрупкие зданья?
Но тогда — как же душу расстать
С красотою разочарованья?

Я ведь годы на это убил
И открыто оплакал потерю.
Журавлиным стихом раструбил,
Что уже не люблю и не верю.

Ты была моей лучшей бедой,
От которой рождается песня.
Неужели — опять молодой —
Должен я улетать в поднебесья?

Но тогда что же делать мне с ней,
С золотящейся в вечность листвою
Меж страниц сброшюрованных дней,
С обжитой неудачей людскою?

Но тогда, когда сам проклинал
Даже самые наши начала,
Неужели я вовсе не знал,
Что оглядка твоя означала?

* * *

Опять весна. Какие перемены
Она в мой быт кочующий внесла,
Что отняла, дала, какие стены
Над нами и меж нами возвела?

Какие в небо врезала стропила?
Какой сугроб вниманьем обошла?
Кому утратой к горлу подступила,
Кому отрадой душу обожгла?

На путь летящий глядя, как на пламя,
Я неотрывно думаю о том,
Что разговор в сугубо личном плане
Мы не при всех и позже поведем.

На подмосковном кадбище недавно
Я в первый раз услышал соловья...
Как перед ним безвестна и бесправна
Была печаль отдельная моя!

...И я потянулся вослед за тобой
Всей грустью безмерного срока...
Но был я оградой, но был я травой,
Журчащей водой водостока.

Ты в воздухе таяла полупустом
Пиковым сужением платья.
Тогда я возник облетевшим кустом,
Чуть смахивавшим на распятье.

Но ты, миновав меня, путь перешла.
Ты ветки моей не задела.
И тень от вагона меня обдала
И шумно с тобой отлетела.

Тогда мне осталось — в твоём далеке
Стать тем, и чужим, и пригожим.
Но я не хотел, ожидая в тоске,
Стоять на себя непохожим.

Я знал, что опять ты вернешься домой
И будешь еще одинока,
Ведь был я оградой, ведь был я травой,
Шумящей водой водостока...

* * *

О умножение листвы
На золотеющих дорожках!
О липы — с ног до головы
В блестящих ледяных сережках.
О луж осенних зеркала,
Не замутненные остудой.
О зимний вечер отовсюду.
О неожиданное чудо —
Узор оконного стекла...

1946

* * *

Ресницы светлые сосулек
Уронят первую слезу.
Потом по первой грязи улиц
Куда-то льдины повезут.

· Не пробежит по полю лыжник.
Водой покроется каток.
И обнажившийся булыжник
Ручьи погонит в водосток.

А ветер тучи прополощет,
Сушить повесит на лучи.
Тогда займут свою жилплощадь
Квартиросъемщики-грачи.

А в целеустремленье рьяном
Начнется самотеком дней
Не предназначенное планом
Озелененье областей.

МОЛЧАНИЕ

(Тетрадь)

I

Ты была миром,
К которому я обращался.
С верным и милым
Навек я вчера попрощался.

Ты была манной,
Что с сердца обиды снимала.
Горько и странно
Сама ты обидою стала.

Тяжко, с одышкой,
Тянулись минуты бесславно...
Был я мальчишкой
На том перекрестке недавно.

Сердце от муки,
Еще неизведанной, сжалось.
Но твои руки
Отвел я — в них теплилась жалость.

Слабые пальцы
Мои... Безымянный в чернилах.
Сам удивлялся —
И как это был еще в силах!

Но не с того ли
Я губы минутой ночью
Стиснул до боли
Тяжелой мужской пятернею.

2

Большая пойманная птица...
Вот ей и небо не к лицу.
А если вдаль и полетится,
Вернут обратно. По кольцу.

Я не грущу. Не жду расплаты.
Я только думаю порой,
Какой ты гордой и крылатой
Была, любимая, со мной.

3

Почему-то все чаще и чаще
Я на той себя мысли ловлю,
Что не облик, навек уходящий, —
Только сон, только имя люблю.

Пусть измучены пальцы. И воздух
Побелевшим хватаю ртом.
Все равно! Все в начале, все в звездах,
Все не так, как случится потом.

4

А у меня — утро —
Дальний путь.
Хоть и лодчонка утла,
Как-нибудь!

Парус углом я вздерну.
Клином вобью в синеву.

С этой на ту сторону,
Милая, поплыву...

5

Недавно задали нам горе.
Не понимаю, почему.
И, будучи той верен школе,
Ее урокам по письму,

Я было выучил страничку,
Да вдруг опомнился — и в дверь,
И за угол, и по привычке —
В трезвон и в радость, верь не верь.

Ронял под ноги листья август.
Друзья смеялись, шли по ним.
И этот смех мне не был в тягость,
А даже был нужней, чем им.

И вот боюсь я оглянуться,
Боюсь, то не сойдет мне с рук.
И боги судеб соберутся,
На белой тучке сядут в круг

И так решат, от мыслей горбясь,
На педсовете, может быть:
Он прогулял уроки скорби!
Оставить. Не переводить.

6

Я перейду в другую школу,
Где только счастье задают,
Где в листьях, от росы тяжелых,
Дрозды над партами поют.

Где столько сообщений грозных,
Таблиц серьезных, глав и шкал
В свистках лохматых паровозных
И в долгом счете потных шпал.

Она — экзамен мой. Билеты
Я вытяну не со стола,
А из окошка кассы этой,
Что столько лет меня ждала.

И мне известно без подсказки,
Как я отвечу у доски, —
Подветром в стружках, в шуме,
У зданий, сбитых мастерски. в краске

7

Был робок увяданья запах,
Но шумным ворохом листвы
Я оказался так внезапно
Осыпан с ног до головы.

Я мог гадать и так и этак,
Но в чем-то был неумолим
Поток листвы с немертвых веток,
К ногам валившийся моим.

8

Но что мы сделали с Москвой,
Когда всех кленов ветки
И каждый угол на Тверской
Все — памятки и метки.

Когда и день под звон дождя,
И набережной полночь,

И каждый вечер, не щадя,
Твердят тебе: «А помнишь?»

Когда в цепи прошедших дней
От той бесславной даты
Любая непогодь светлей,
Чем взгляд, что подняла ты.

Когда и стекла на лесах,
И синь у крыш и вышек,
Как изумление в глазах
Обманутых мальчишек.

9

Я их снова посетил.
Скрипом нежно встретили.
Средь прохожих десяти
И меня заметили.

Словно память, на ходу
Я их мир обшаривал.
С каждым деревом в саду
Молча разговаривал.

Шел. Про их жите-бытье
Слушал в море вечера.
А отсутствие твое
Было не замечено.

10

В такой лихорадке,
Что застило свет,
Те дни в той тетрадке
Оставили след.

И я замечаю,
Уже излечась,
Странички листая
Небрежно сейчас.

Что было бы надо
Все вновь повторить,
Чтоб горе и радость
Всерьез пережить.

Но дни не тетрадки,
Их в руки не взять,
В обратном порядке
Не перелистать.

1950

МУЖСКАЯ ШКОЛА

Ты сочиняешь песни на скамейке
Из первых листьев, ветра и воды.
Апрель. Портфель. Тетрадка в две линейки.
Строка к строке — нелегкие труды.
Ты — это я, влюбленный в ученицу,
Чернида расплываются от слез,
Которые роняет на страницу
Ветвь, о весне задумавшись всерьез.

Твоей души воздушные тревоги
Ты воплотишь в воздушные слова,
Почти забыв по младости дороги,
Горевшие под цифрой 42.
Ты аттестат получишь очень скоро,
Владея ученическим пером.
Но все равно твоя Мужская Школа
Там началась, еще в Сорок Втором...

Мы налегке шагаем из колхоза,
Все трудодни в фонд обороны сдав.
Ползет обоз. Бензином пахнет воздух.
И раненый

из лужи пьет,
отстав.

Мешочек мыльный сжав, и я немножко,
Став на колени, той хлебнул воды.
«Дай яблочка!»

А то была картошка,

Картошка из заброшенной гряды.
«Слыхали? Гром!.. По качеству раскатов
На этот раз гроза... — сказал солдат. —
Куда идете, мальчики? В Саратов?
А он уже идет на Сталинград».

Ты сочиняешь песни на скамейке
Из первых листьев ветра и воды...
Танк обошел натруженные жнейки,
Врезая в землю новые следы,
И огляделся башней...

Строй за строем
Сошел с дороги, в поле своротив.
И мы! И мы! Окоп на пашне роем
Под заунывный облачный мотив.
Жарынь-жара... Нас не задев и краем,
Гроза ушла. Пыль на ветвях берез,
Пыль на зубах. Мы без рубах копаем.

Я помню все. До стебелька. До слез.
Врасплох захваченному давней былью,
Быть может, мне и не к лицу слеза,
Но этой горькой, этой тяжелой пылью
Я еще в детстве засорил глаза.

Ах, как ломило плечи с непривычки!
Но я, на грунт присев почти без сил,
От снисходительной старшинской спички,
Махоркой задохнувшись, прикурил.

И сплюнул. И хоть Борька испугался
Моей внезапной бледности лица,
Еще раз затянулся. И не сдался.
И докурил. Цигарку. До конца.

Потом походной кухонкою нашей
Подъехал вечер, духовит и тих.

И, доверху наполнив пшенной кашей,
Нам котелок вручили на двоих...

Ты сочиняешь песни на скамейке
Из первых листьев, ветра и воды.
Апрель. Портфель. Тетрадка в две линейки.
Ответ с отказом — большей нет беды...

Товарищи... Мы с вами пили-ели.
От тех костров есть в сердце уголек.
Вы нас учили скатывать шинели
И как до блеска чистить котелок.

Как по-солдатски перенести разлуку,
Как не устать дорогою большой.
Не сбиться с ног. И разгадать по звуку,
Какой над нами — свой или чужой.

Рассказывали, ладя маскировку,
О городах, о селах, о боях.
И по вихрам нас гладили неловко,
И о своих гадали сыновьях.

1950

Крепче бы за руку взял ее снова.
Только уж поздно. Лед затвердел.

Да ведь и в жизни так не бывает.
Лед. Но я все же дышу на него.
Что там? Деревья... Только всего.
Темный кружочек льдом заплывает.
Так не бывает... Ну, ничего!

1951

* * *

Это в первый раз я заметил:
В самый нежный час — на рассвете —
Город навещают поля,
Город навещают леса,
Камни навещают земля,
Листья, травы, птиц голоса.

Это в первый раз я услышал,
Чуть пораньше из дому вышел, —
Вытянув покой мостовых,
Город был, как пригород, тих.
Чистый воздух утренних сел
С тишиной по улицам шел...

Под огромным светом небес
Уходил невидимый лес,
И его большая роса
В парках медлила с полчаса.

1951

* * *

Я должен говорить дождями,
Деревьями и площадями.
Я должен признаваться веткой,
И птицей, незнакомой с клеткой,
И клеткой, что повисла вроде
Вещественной любви к природе.

Я должен говорить ручьями,
Сугробами и соловьями,
Умеющими сознаваться
В том,
    в чем боятся признаваться,
Одним выщелкивая духом
Все, что земля таит, по слухам.

Я должен не молчать страницей,
Зарнице отвечать зарницей,
Я должен говорить стеною
И всем путем передо мною,
Чтоб наконец услышать слово,
Все начинающее снова.

* * *

Боже, как это было давно,
Ничего не осталось в итоге...
В почерневшем снегу полотна
Бесконечной железной дороги.

Полотно. А за тем полотном,
Как туманные знаки свободы,
Прносящиеся за окном
То луга, то стога, то заводы.

Не свободен я был все равно
От любви, как от вечной тревоги...
Боже, как это было давно,
Ничего не осталось в итоге.

Только память о том, как бежал
От любимых.

Как снова и снова
Не за них, а за слово дрожал,
Стихотворное, бедное слово.

НА ЭТОЙ ДАЧЕ

Перед бедой, перед рутинной
Так редко я протестовал,
Что «золотою серединой»
Меня мой друг аттестовал.
Я знал обиды и тяжеле,
А все же крикнул: «Не шути!»
Но, как ни странно, утешенье
Сумел и в этом я найти.
Я рассудил за миг единый
Со всем зазнайством молодым,
Что середина серединой,
А золотое золотым.

Но в эти дни на этой даче,
Где я стонал, как от стыда,
Мне все представилось иначе
И обнаженной, чем тогда.
Ведь вызывали на раздоры
И разрывали в тишине
Две точки зренья, две опоры,
Не где-то вне, а лишь во мне.

Одна гнала меня из дому,
Как голод белку из дупла.
Другая втягивала в омут
Воронкой корма и тепла.
А тихий омут, как ни мерьте,
Он был не тот, где рыба спит,

И если в нем водились черти,
То без рогов и без копыт.
Все это внешне, оболочно,
Все было спутанней — не лгу.
Но я тогда впервые точно
И просто понял: не могу.
Был мой итог до боли ясен.
Дышало сердце, как гонец:
Я не хочу, я не согласен!
Я протестую, наконец!
Нет, я хочу кричать и слушать,
Хочу друзей, обид, поэм,
Но не хочу молчать и кушать:
Когда я ем, я глух и нем.

Мне самый срок побыть с врагами,
Где каждый шаг мой будет в счет.
Нет! Мне с копытами, с рогами,
С хвостом и серой нужен черт.
И я, еще почти не зная,
Что буду делать,
вышел в дверь.
А там дышала даль родная,
Даль обретений и потерь.

КВИШХЕТСКОЕ УТРО

Исчезает луна.
Появляются серые крыши.

Просыпаются птицы.
Засыпают летучие мыши.

Дозревает роса.
Керосиновой лампе сдается,
Что, как спутник ее,
Предпоследняя бабочка вьется.
Но она зазнается.

Уже засыпают ночные
И легонько взлетают,
Отряхиваются дневные.
Как мне быть в это утро,
Счастливому и молодому!
Я грущу по обиде,
По этому утру,
По дому.

Я грущу по былому.
По будущему. Я взыскую!
Профиль гор созерцаю.
Ничем в этот час не рискую.
В этом, видимо, что-то
И есть...
Но из этого «что-то»

Надо корень извлечь.
Извлекаю.
Вот это работа.

Извлекаю, зверея,
И что же мы видим в итоге?

Те же самые горы,
Клонящие к дальней дороге.

Так вот мы и уходим.
Все к лучшему. Честное слово.

Исчезает луна.
А потом появляется снова.

Однажды я назвал себя поэтом.
Случайно как-то вырвалось...
Потом
С большим неудовольствием об этом
Я вспоминал...
Об этом и о том,
Что про октябрь,
Когда в осенней роще
Витают очень желтые листья,
Сказать:
«Люблю, как Пушкин», —
Много проще,
Чем так любить,
Как любишь только ты.
Что ничего не скажешь в оправданье
В те недоступно будущие дни,
Когда найдут старинное издание
И усмеются...
Боже сохрани,

Да! Сухой я живу, словно порох.
Так и кажется — вспыхну вот-вот,
Все дурное в чужих разговорах
Принимая на собственный счет.
Наплевать мне на хвост их павлиний.
И меня этот пестовал век!
Но святыню я вижу святыней,
Как любой несвятой человек.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

П. Антокольскому

Вот из дула тоннеля пулей
Вылетает электровоз
И выносит на волю в гуле
Бесплацкартных вагонов хвост.

Будто вечно лесной, бескрайний,
Полевой этот мир вокруг.
Даже странно билет трамвайный
Обнаружить в кармане вдруг.

Едут люди, дыша глубоко.
На Подсолнечную? Туда!
Кто-то к девушке, кто-то к Блоку,
Кто-то попросту никуда.

То взлетают на насыпь сосны,
То внезапно сбегают в ров,
И стреляет по окнам солнце
Из-за их золотых стволов.

* * *

Пусть я довольствовался малым:
Надземным небом и самой
Подверженной боям, и шквалам,
И снам, и радугам земель, —

Из глубины, из бесконечной
Сердечной, тайной глубины,
Глаза задумчивости вечной
На Млечный Путь устремлены.

* * *

У меня исчезают стихи,
Не записанные на бумагу.
Так деревья редеют верхи
Ранней осенью мало-помалу.

Так, непойманная, в перелет
Растворится в воздухе птица...
У меня есть исчезнувший год.
Неужели он не возвратится?

Это так. Но когда я встречал
Тот непрожитый год
рядом с нею,
Я надежду одну загадал,
А теперь разгадать не умею.

У деревьев редеют верхи.
Снег является мало-помалу.
У меня исчезают стихи,
Не записанные на бумагу.

ГАЛКИ

С ветвей, махнув морозным пухом,
Сорвался гомон и ушел...
Как будто кто над самым ухом
Рванул бумагу или шелк.

И замер воздух синий-синий.
И замер двор, насторожась.
И, падая, не падал иней,
Самим собой заврожась.

И галки, те, что испугались
То ль человека, то ль куста,
Уже беззвучно опускались
На те же самые места.

Был двор — ожившая гравюра,
И, выполненный в двух тонах,
Он ждал, ветвясь тенями хмуρο
На снега белых валунах...

* * *

Какое большое счастье
От шума дождя вставать.
В знакомые двери стучаться,
Свои для друзей открывать.

На девушку оглянуться,
Которой не назовешь.
Уехать, и вновь вернуться,
И знать, что живешь. Живешь.

Что чувствуешь кожей ветер
И знойную благодать,
Что можешь всему на свете
Хорошее имя дать.

СИНИЕ ЛУЖИ

Марианна выходит из дома,
Осторожно на лужи глядит.
В них так ветрено и незнакомо
Все куда-то скользит и летит.

Угол дома, и желтая ветка,
И упавшая вниз синева.
Это все так красиво и редко,
Как забытые где-то слова.

В лужах кружатся птицы, и крыши,
И забытый кораблик детей...
И над всем этим — чувство, что выше
Повседневных забот и затей.

И хотя так легко и несложно
Возле этих зеркал отдохнуть, —
«Мне действительно вас невозможно,
Невозможно не перешагнуть».

ПАУЗА

Оскалить ярмарочно ливенку?
Или тряхнуть словесным цирком?
А может быть, пополнить лирику
Еще одним больничным циклом?

Или отъехать в край, прославленный
Тем, что там редко кто бывает,
Где вмятины зовутся вдавлины,
А тишина преуспевает?

Где зимний лес, красуясь вышивкой
Темно-зеленою и белой,
Напоминая свитер лыжника,
В глаза летит, оледенелый.

И там, махнув сосне, как парусу, —
Не говорком и не мычаньем, —
Перед стихом заполнить паузу
Уже значительным молчаньем.

Когда мы были незнакомы,
А только виделись во сне,
Твои таинственные гномы
Сошлись подумать обо мне.

Они, предвидя все на деле,
В кружок присели на пеньки.
И так печально прозвенели
Их голубые колпачки.

Они решали и решали,
Шептали: «Это ни к чему». —
Но ничему не помешали.
Не помешали ничему.

Неудивительно, что служат
Тебе и мне они теперь,
Но по весне о чем-то тужат...
Звенит бубенчиком капель,

ГОЛОС

Туч синеватые донья,
Длинные весла лучей.
Лес. И вдали, как спросонья,
Голос. Какой-то ничей.

«А» или «У» — однократный
Звук, протянувшийся в лес,
Тягой своей непонятной
Поднял меня. И исчез...

И позабыть о мутном небе,
И в жарких травах луговых
Лежать, покусывая стебель,
У загорелых ног твоих.
И так нечаянно промокнуть
Под самым каверзным дождем,
Таким, что не успеешь охнуть,
А весь уже до нитки в нем.
И не обидеться ни капли
На эти радужные капли
На волосах, и на бровях,
И на сомкнувшихся ресницах,
И на ромашках, и на птицах,
Качающихся на ветвях...
И эту тишину лесную
Погом минуту или две
Нести сквозь бурю городскую.
Как бабочку на рукаве.

Она души не приняла.
А я старался. Так старался,
Что и свои забыл дела,
И без иной души остался.
Я говорю о ней: была.

Нехорошо. Она живая.
Она по-прежнему светла.
Она живет, переживая,
Но — там, где я сгорел дотла,
С ней все на свете забывая.
Я говорю о ней: была.

Она души не приняла.
Но это — малые дела
Среди дерзаний и сказаний.

Живи, да будет лик твой тих
И чист, как той весной ранней,
Среди оставшихся в живых
Воспоминаний...
Помыслий,

* * *

Скоро черные, сырые
Тротуары и заборы.
Скоро быстрые, лепные
Облака и косогоры.

И не вырваться из веток
Синеве, что без границ,
Как из самых мелких сеток
Сонму славок и синиц.

Скоро мыслию по древу
Будут соки растекаться.
Скоро, скоро! Потерпите,
Не спешите разбежаться.

Сырые будни. Осени задворки.
Конец уборки. Теплых дней закат.
Прочтен сентябрь от корки и до корки,
И октябрем продолжен листопад.

Как осторожен ход трамваев тяжкий!
И есть у листьев, брошенных в полет,
Порывы вьюг, февральские замашки.
И в звоне веток чувствуется лед.

Пройдись по саду тихими шагами.
Следы июня отыскать сумей.
Лишь в проводах запутался на память
Клочком каникул длиннохвостый змей.

А сад стоит, как будто опечалюсь,
Кусты сухие низко наклоня,
И не понять, куда они умчались,
Шаги и крики, смех и беготня.

Мерцает первый иней в черных ветках.
А ученицы и ученики
На сборах шумно спорят об отметках
И срочно отдают точить коньки.

* * *

Все выпадает снег и тает, тает, тает.
Зачем я слово дал деревьям и весне,
Что первая капель меня другим застанет
И что зеленый шум появится во мне?

Холодный, ясный час. Горит зари полоска.
Зачем я пил вино, и плакал, и шумел?
Я вовсе не хотел такого отголоска,
Такой тоски в себе я вовсе не хотел.

Я сетовал на снег, я проклинал погоду,
Я повторял слова пустые горячо.
Но как я мог винить любимую природу
В том, что стихи мои не выросли еще?

Все вовремя живет. Ничто не пропадает.
Никто не виноват... А между тем в окне
Все выпадает снег и тает, тает, тает,
Как будто слово дал деревьям и весне.

* * *

Вспоминается первый ледок.
Вспоминается вечер без звезд.
Вспоминается колкий упрек
В том, что я удивительно прост.
Это может быть. Но почему
До того, как нашли вы меня,
Было так хорошо одному
На закате осеннего дня?
Я листву разменял на рубли.
Я капель разменял на гроши.
А всего-то хотелось любви
Да единственной в мире души.

Но как мы встретимся — чужими?
Так, что и нечего сказать,
Чем жили мы, о чем тужили,
Чем сердце занято опять?

Все это было очень просто,
Когда бы были мы одни.
Но берега, но дом у моста,
О чем подумают они?

Что скажут липы и заборы,
Булыжник и его трава,
Запомнившие наши ссоры,
И поцелуй, и слова?

Где словно в песне — строчка к строчке,
Твой след у моего следа,
Вдруг не вдвоем, поодиночке,
Как мы появимся тогда!

* * *

Напластованье долгих лет,
В отдельности вполне прозрачных,
Уже темнит тот дальний свет
Тех первых лет, отнюдь не мрачных.

Стекло ложится на стекло.
Одно к другому прилипает.
Уж двадцать верхних тяжело
Семь нижних к полу прижимают.

Возьми их вместе, в раму вставь,
Коль сыщешь ты такую раму,
И твердо, пристально и прямо
Вглядись — и ты увидишь въявь,

Как лица, вещи в пустоту
От умноженья убывают,
Как время — время убивает,
Как свет рождает темноту.

ШАДРИНСК

Холодным языком
Писать о теплом?
Топили кизяком,
Мело по стеклам.

Пошатывался дом —
Не замечали,
О веке золотом,
Сойдясь, мечтали.

Чем он казался им,
Озябшим детям, —
Огромнейшим вторым,
Безбрежным третьим?

Избытком киселя
И каши манной?
Сердца их веселя
В пурге туманной.

Не этим и не тем,
Хотя заметим,
Что все же между тем
Он был и этим.

Он был «перед войной»,
А еще боле
Он был страной родной
В грядущей доле.

*

О веке золотом...
Смешно мне, право.
Но можно ли о том
Вот так, лукаво?
Посмеиваясь?

Нет.

Ужель не помнишь,
Как был копилки свет
Волшебен в полночь?
Как луч на потолок
Бросал он, истый,
Чадящий фитилек,
Чуть золотистый?

*

Заброшенность. Война.
Пайки. Талоны.
В трех метрах от окна
Шаги. Вагоны.

У баб, у детворы,
У командиров
Пар изо ртов... Пары
Локомотивов.

Вихлястые дымы
Над перевозом.
— У Кольки-то — пимы...
— Отец завхозом.

По снежной целине
Через сугробы.

— Мой батька на войне,
А твой?

— Еще бы!

Скользя меж черных изб,
Чужих и теплых,
Сквозь снежный вой и визг
Заулков темных,

Два мальчика в тылу,
В безлюдной жути.
Два пятнышка в дыму,
В белесой мути.

*

Родимый хлад,
Бери меня за ворот.
Мой дух и взгляд
Впери в заветный город.
Наставь

и помоги

Возвратом пыла.
Мы больше не враги,
Как это было.

Я не дрожу в снегу,
Не жмусь в метели.
Озябнуть не могу —
Тепло одели.

Я, как мальчонка тот,
В той снежной буре,
Не бью подошвой в лед —
Тепло обули.

— Ну, я пошел. Пока...
— Зайдешь до школы?
— Зайду... —

С воротника
Метель — за полы.

Опять за воротник
И за ботинки.
Шагает ученик.
Ресницы — льдинки.

Уходит от меня:
Уже за гранью
Припомненного дня.
По Зауралью.

По мраку без огня,
Чуть видный глазу,
Уходит от меня
Как по приказу.

Решителен и прям,
Как все мужчины,
Идет сквозь сотни драм.
Несет лучины.

Вдыхая воздух бед,
Отбив в столовке,
Несет домой обед
Пустой готовки.

«За Родину и за...»
В душе лелея,
Он гнется, как лоза
Средь снеговя.

Он мальчик той поры
(А все же мальчик),
Ему бы даль игры,
Красивый мячик.

А он, от снега слеп,
Стихи бормочет,
Несет, как вазу, хлеб.
И чаю хочет.

*

Идет он... Каждый дом
Смыкает веки.
...О веке золотом
И об «Артеке»...
Гляжу ему вослед.
Немеют щеки.

Идет сквозь двадцать лет —
Учить уроки.

1967

СМЕНА ДНЕЙ

I

Хочу зимы, здоровья, снега
И одиночества того,
Когда не надо никого,
Когда снаружи, где мело,
Все как бы замерло с разбега,
Остановилось и стоит
И что-то важное таит,

Хочу понять и угадать,
Неуловимое поймать,
Мотив забытый сладко вспомнить,
Как на душе пробел восполнить,
Познать, как раньше, мир земной,
Когда он в дымке неземной.

II

Я так отгадывать любил
Пейзажа детские загадки.
С мальчишек вечно взятки гладки,
А я мальчишкой тоже был.
Когда вразвалку снегопад
Ступал Москвой запорошенной,
Как отгадать бывал я рад,
Что он медведь, Полярный, сонный.

А иногда он шел в окошке
Пушистее сибирской кошки,
А иногда...
В пяти шагах
От февраля...
В ночи в Филях
Иль на Садовой-Триумфальной
Он, совершенно театральный,
На ватных припадал ногах.

И, став под куполом ворот,
Я видел: время настает,
Пустая сцена ждет ответа.
Чей выход? Мой! Ах, той порой
Так снег пленял меня игрой,
Что мне хотелось вспомнить роль
И ощутить узлы сюжета,

И я молился, умирал,
Стрелял, стрелялся и страдал,
Прощал и вел себя жестоко.
Но снег ложился под ногой.
И уходил я на покой,
Махнув под занавес рукой
Домам, беззвучным от восторга.

III

Я понимал, я понимал,
Себя не зря снега роили,
Не зря я с улицей играл
За неменьшем героини.
Деревьев, окон и теней
Не зря разгадывал намеки.
Мне и теперь, по смене дней,
Порою слышатся упреки

Густой вечерней синевы,
Простой заснеженной травы,
В сугробе бьющего ручья,
На синем черного грачья,
Звонка трамвайного гудка
В сыром апреле с ближней ветки,
И стен, увидевших века,
И зданий первой пятилетки.

О, не к зеленому юнцу,
Что тягой к милому крыльцу,
Еще не найденному, занят,
Кто фантазирует, кого
Лишь потому и оттого
В сады и переулки манит,
О, не тому мальчишке, мне
Пришло нежданное открытье,
Что все предметы наравне
Желают с нами общежитья.
Об этом знаю ныне я,
Об этом знают все поэты.
О мира милые приметы.
О дом мой, улица моя.

IV

Хочу ручьев, хочу апреля,
Когда земля, от солнца прея,
Вгоняет клинышки травы
В зазор меж вымокших булыжин, —
Хочу быть к таинству приближен.
Я потерял его, увы.

Как это было?.. По указу
Тепла и света, как гроза.
Все примелькавшееся глазу

Так и бросается в глаза.
И так событие откровенно,
Что сердце чувствует успех
Пасть и взлететь, — как мир смиренно
Рождается, похорошев.

V

Когда пульсирует весной
На кирпиче стены, как жилка,
Вода под коркой ледяной
И пахнет ржавью жестяной,
Когда наивный снег ночной
Уже причмокивает жидко
На тротуарах и Могэс
Плывет, как пятитрубный крейсер,
В туман... Ну кто из нас не грезил
И не испытывал чудес?..
Я был прогульщиком тогда.
Меня плавучая вода
Несла по улицам, как шепку,
Как отраженье облаков.
Бывало, нахлобучишь кепку,
Накинешь плащ — и был таков!

И словно б не было меня,
И вместе с тем все было мною!
И пульс под коркой ледяною,
И влага стен, и щебетня.

VI

Два семинара в понедельник,
А он забыл о них, бездельник.
Но как я пристально учил
Заветы тающего снега,

Уроки раннего побега,
Что он от ночи получил.

Оставив пыльные тома,
Как я усваивал прогулки,
Где, как волшебные шкатулки,
Таятся древние дома...

Что только делает апрель!
Карнизы тают, ветки мокнут.
Как слезы радости, на окна
Навертывается капель.
Как залихватски воробей
Пошел вприсядку по сухому
И тут же — в лужу, точно в омут,
Чирикнув бойко: не робей.

Как зыбок день в наплывах сини,
Как жарок воздух у метро,
Как жаворонок в магазине
Косит изюминкой хитро!

О, в эти дни, когда метельщик
Сметал, как мусор, талый снег,
Я жил как злостный неплательщик,
Но как счастливый человек.

VII

Когда б поэт, как тунейдец,
Жил чувством, взятым в долг у тех,
Что, мужествуя средь нескладиц,
Среди житейских неурядиц,
Живя для дел, а не утех,
Сказать не успевают сами
О счастье или о беде,

Но сам ни волей, ни слезами
Не переплачивал нигде —
То, как бы в рифме или в слоге
Ни упражнялся дотемна,
Как ни вертелся б он, в итоге
Такой дороге грош цена.

К чему б я это? Не пойму...
А может, собственно, к тому,
Что краски мира я искал
Не для себя, а для кого-то,
Что сам я многое терял,
Когда их молча обретал,
Что если все их не раздал,
То в том одном моя забота,
Что дразнит песнь, а не влечет,
Когда она за чей-то счет.

VIII

Ах, как мне мало было надо!
Сырыми бревнами дохнет,
Бродячим ветром, глубию сада —
О, что за странная отрада
Всю душу вдруг перевернет!
Вот шире дни, а ночи уже.
Уже глядятся липы в лужи.
Их мелкий лист как первый снег,
Остановившийся в полете...
Ну как, серьезный человек,
Без них, ничтожных, вы живете?
Вам надо большего? Я знаю.
Я сам такой, я понимаю.
Мы служим времени в обрез.
Нам польза надобна прямая.
А это детский интерес.

Но что же, грудь по-молодецки
Топыря — в собственную честь,
Кричим порою мы, что, дескать,
В пороховницах порох есть.
Что мы, брат, молоды и фору
Любому юноше дадим,
И поминаем к разговору
Весны таинственную пору,
И про лукавый лунный дым
Беспечной барышне твердим.
Мы первый утренник забыли,
Ослепли и оглохли мы.
Как будто слоем легкой пыли
Прибило души и умы.
Мы потеряли обонянье,
Мы слух утратили. И в том
Находим даже обаянье,
Как в чем-то искони мужском.

Но, выйдя в полночь, хоть в субботу,
Как говорят, в короткий день,
Свою высокую работу
Не забывай, но сквозь заботу
Вглядись — грустит у поворота
Березки тоненькая тень.

1960

ЧУЖОЕ ПИСЬМО

Главы из поэмы

*

Все на своем стояло месте
и, твердо стоя на своем,
блюло свои понятия чести:
и стул, и шкаф, и стол, и дом.

В своем задумчивом комплоте
стояли книги на ребре.
Часы стояли на комодке.
Стояло утро на дворе.

И со двора на пыль комода
набросив луч, в тот тихий час
стояла ясная погода
и стоя радовала глаз.

В каком-то смутном недовольстве
обозревал свой быт простой
я, состоя в родстве и свойстве
со всей устойчивостью той.

И вдруг — как будто бы само —
под дверь подсунулось письмо!
Как будто занесенный ветром
лист, притворившийся конвертом,
что на три четверти в квартире,
на четверть там, во внешнем мире.

Письмо без марки... Почерк зыбкий,
 мне незнакомый... Адресат
 мне неизвестный... По ошибке
 пришло; теперь пойдет назад,

в свои родимые пенаты.
 Быть может, требуя доплаты
 за память слабую
 с того,
 кто плохо в путь собрал его.

И станет автор адресатом
 своих же слов, поняв притом,
 что наши промахи с возвратом
 доплаты требуют потом.

За то, за это, за авось,
 за безразличие к моменту.

Но расплатиться мне пришлось,
 а не тому корреспонденту.

Всю грусть, что некто накопил,
 я затаскал в своем кармане.
 Но, боль чужую прикарманя,
 как бы kota в мешке купил.

Едва ль не месяц промелькнул,
 Поблек, сошел обратный адрес...
 Я разорвал конверт крест-накрест
 и в строчки робко заглянул.

«Который раз, который год
тебе я грустью докучаю,
что труд мой все не так идет,
что я не так его встречаю,

что и со мною все не так,
как ожидал я ранней ранью,
что, может быть, и впрямь пустяк
большие наши ожидания.
Но я опять, опять боюсь,
остановясь на полдороге,
утратить зреющий союз
спокойной силы и тревоги.
Утратить все. Не поступь строк,
а незаметно и жестоко
утратить зрелости приток
у самого ее истока.

Когда лежит мое перо
забытое, сухим-сухое,
не сломано и не старо,
и не сказать, чтобы плохое,
а стол под ворохом бумаг,
безгласных — нужных и ненужных,
в листках, лежащих кое-как,
в набросках разных и недружных,

когда усыпан пеплом стол
и вот подернут будет пылью,
а я не дома,

я ушел,
оставив дело без усилия,
то где я? Комнатный орел,
куда, какой полет повел,
на вешалке оставив крылья?

И в чем же дело, что меня
в сырые переулки тянет?
Чем я,
в любое время дня
незанятой, по горло занят?

Что ж эта ручка, этот лист
лежат, молчат поодиночке?
Когда б любой канцелярист
их в дело взял без проволочки
и с большей пользой применил,
чем я, о них забывший думать,
забывший с них и пепел сдунуть
и дать им сердца и чернил.

Ну, можно головой упасть
на стол, виски руками стиснуть,
рыданием себя протрясть,
ну, саркастически присвистнуть,

ну, сделать умное лицо,
сослаться на условия века.
Но там ли ты, в конце концов,
простая честность человека!

Я грустно думаю порой,
что этот вот, и тот, и третий
на людях держатся игрой
улыбок, поз и междометий.

Я часто думаю о том,
одним из них обеспокоен:
ну, не со мной — придя в свой дом,
наедине с собой, какой он?

Вот так же лихо норовит
он чем-то поразить себя же?

И так же принимает вид
и делает глаза? И даже

не перед зеркалом, а так,
актерство все — чего там ради? —
не отпускает ни на шаг
и держится, как на эстраде.

Я думаю, когда в кольцо
он попадает к неудачам,
какое у него лицо?
Иль он его в ладони прячет?

Иль, собираясь к людям, впредь
он все одну решает думу:
какое бы лицо надеть,
чтобы и к месту, и к костюму,

чтоб тем, каким задумал, слыть,
чтоб правда в лоб не угодила?
Я сам таким пытался быть,
да только плохо выходило...»

•

То было внове и не внове.
Как тяжесть скидывая с плеч,
я оборвал на полуслове
его мучительную речь.
И огляделся.

Все на месте.
Все, твердо стоя на своем,
блюло свои понятия чести:
и стул, и шкаф, и стол, и дом.

Но зачинавшаяся смута
уже косилась из меня

на здравость этого уюта,
как беспокойная родня.

На стул, на стол, на все добро,
на круговую эту спайку.
Так робко, нагло и хитро
глядит цыганка на хозяйку.

И, презирая недотрогу
за недоверчивый прием,
сулит ей дальнюю дорогу
или со зла казенный дом.

...Сердечной смутю смущенный,
вдруг усомнившись в правоте
родного быта, отягченно
стоял я в тихой маете.

Я понимал: его устои
стоят как будто бы не так.
Я видел: дело не пустое,
какой-то сделать надо шаг.

Переиначить? Переставить!
Комод налево, шкаф к стене...
Но это было как слукавить.
И было это не по мне.

*

Нехорошо, нехорошо
читать чужие письма... Ветка
в окне покачивалась веско,
как перст: ужю тебе, ужю!

Нехорошо, нехорошо
читать чужие письма... Ночью

шел низкий дождь, гремела жесьть.
Я, выйдя, увидал воочью
какой-то сдвиг во всем, что есть.

Я увидал, шагнув от дома:
в следах колес и каблуков
проулок как-то незнакомо
бежал тенями облаков.

Он увлекал с собой заборы,
деревья, тумбы и дома.
Скрипел фундамент, как рессоры,
неслась подветренная тьма.

Лишь я стоял, как будто вкопан
по щиколотки... Но и я
понесся вместе с этим скопом
предутреннего бытия

сквозь смерч почти что календарной
листвы, что ветер посбивал...
И, миг лова, когда фонарный
свет за спиной моей вставал,

моя, моя же тень, казалось,
вдруг очертив полукольцо,
мне заглянуть в лицо пыталась:
какое у него лицо?

Я отражался в сонных окнах,
приглядывался, страх тая,
и отворачивался, охнув:
неправда! Я или не я?

И словно с жалобой
к растеньям

бросался, заслонясь плечом:
я был спокоен, он растерян,
я был уверен, он ни в чем.

Пусть убирается подальше.
Я — смех, а он — таимый плач.
Он говорит, что все удачи
мои печальней неудач.

Он мебель в доме переставил
и, усмехнувшись: ну и как? —
перечитать меня заставил
мои же книги, но не так...

И ко всему хитросплетению,
мне приписав свое лицо,
меня с моей поссорил тенью,
хоть сам отнюдь не Шамиссо.

А я не знаю имитаций.
Я честный, чистый, голубой.
Я не хочу, как лист, метаться.
Я слышу почву под собой.

И, взяв себя упрямо в руки
и весь напрягшись, как струна,
я встал, глаза смежив от муки
у незнакомого окна.

А мимо тумбы и деревья
неслись, как сон: неслоь, как вихрь,
все беззаконное кочевье
ночных безлюдных мостовых.

Я переждал, и поднял веки,
и стер ладонью пот со лба.

Ну вот и все... Окно аптеки,
и дворник около столба.

Какой-то тихий закоулок,
я здесь и не был...

Пролетел
куда-то дальше мой проулок,
как будто зная свой предел.

Теперь, сгоняя с век истому,
иди нечаянным путем.
Теперь ищи дорогу к дому!
А как он выглядит, мой дом?

•

Когда б вязание на спицах
был мой удел, то — видит свет! —
я преподнес бы целый список
особых времени примет.

Я увязал бы все как надо,
не мучась: эдак или так?
Знаток обряда и наряда,
поверьте мне, я не простака.

Я, не раздумывая тяжко,
своей затеи царь и раб,
связал такую бы рубашку,
что впору каждому была б.

Но нету времени. Представьте,
нет времени. И в этом суть.
Спешу, а все как бы на старте.
Иду, а все не начат путь.

Скажу ни мало и ни много:
скитанья эти пролегли
между последним часом бога
и первым спутником Земли.

*

Я позабыл сестру и мать,
я позабыл отца и брата
(как это надо понимать? —
Семья ни в чем не виновата).

Я бросил все, что произвел
на свет — от слова и до слова.
Я бросил дом на произвол
круговращения земного.

Я разучился ревновать
подругу к Саше или к Пете.
Я разучился рифмовать,
хоть легче дела нет на свете.

Я научился не звонить
к друзьям, редакциям, покуда
не разузнаю, как свалить
с плеча и сердца это чудо,

неубывающий мой груз
(мечту сживающий со света),
получужую эту грусть,
полусвое сомненье это.

Не понимая, как тут быть,
на лавры их ничуть не зарясь,
я научился водку пить
отпетым пьяницам на зависть.

И все оглядываться вспять,
и в числах путаться искомым,
и на чужих диванах спать
в полудомах полужнакомых.

Ведь суть не столь в чужом письме,
что переслать бы надо с миром,
а в той надорванной тесьме,
что сердце связывала с миром.

Любимый мир, он жил вовне,
прощался с днем, гляделся в завтра,
но то, что было им во мне,
все как-то рухнуло внезапно.

Все вверх тормашками летело.
Сквозь тары-бары, как с горы,
в лице меняясь то и дело,
катился мир в тартарары.

Я удержать его пытался.
И в спорах с кучкой облыгал
за что я только ни хватался,
на чем я рук ни обжигал.

Но, к чести собственной, а это,
возможно, многого важней,
я не давал уйти со света
надеждам юности моей.

И как бы низко я ни падал,
я все же помнил — есть она,
моя жестокая отрада,
моя судьба, моя одна.

Я повстречал в те дни знакомца,
коллегу, друга одного,

что вечно шурился от солнца,
хотя б и не было его.

Он оглядел меня, прищурясь,
плечами долгими пожал:
«Да ты, пожалуй, очокурясь,
в гробу-то краше бы лежал.
Не оскорбил тебя невольню?
Не пишешь? Значит, опустел?
А я пишу». И он довольно
в кармане чем-то похрустел.
И, метко глянув из-под век,
попраздновал: «Какая сила
тебя с такой дороги сбила?
Ведь ты советский человек!»
И промолчал я. Вот как было...

*

В те дни за тридевять земель
еще гремел порог Падунский.
И ветер, с берега подувший,
на волны скидывал метель.

Чернело древнее село,
на волны бешеные глядя,
карбасы к берегу приладя,
убрав и вершень и весло.

В те дни, при занятости всей,
один, поеживаясь зябко,
взглянул, придерживая шапку,
на мыс по имени Пурсей.

И, став под каменный отвес,
врубил в скалу как бы навечно:

«Здесь будет выстроена...» Лес
шумел надменно и беспечно.

Он так эпически гудел,
как будто пел былинный некто,
и снисходительно глядел
на малыша из Госпроекта.

А тот в большой его тени
шагал, смеясь лицом открытым,
к геологу с теодолитом,
на свет полуторки...

В те дни.

*

Нехорошо, нехорошо
читать чужие письма... Что же,
я в круг чужой тоски и дрожи
попал, как белка в колесо?

Нет, в том нечаянном кругу
уже мои кочуют пени.
И чем отчаянней бегу,
тем хлестче вертятся ступени.

Но с точки зренья колеса,
что, мчась, не двигается с места,
нет на окрестностях лица,
как нет ни времени, ни места.

Лишь в круговерть летящий круг.
Но усмири вращенье круга —
куда приехали? Вокруг
все та же самая округа.

Вертись же, белка, в колесе!
Да будет, замкнутый, кленовый,

твой круг тебе тайгой в росе,
чтоб тоже хлеб, коль нет иного.

*

Я честно выхода искал
с тех пор, как мой проулок сонный
однажды ночью поскакал,
поплыл, поехал, точно сон мой.

И, слыша просьбу «осади!»,
не осадил, а всем разгоном
исчез, назло земным законам
меня оставив позади.

Сомненье выглядит смешно,
когда вещественны предметы.
Не примешь подпол за окно,
коль так наглядны их приметы.

Но нет смешного в маете
душ человеческих и судеб,
когда, доискиваясь сути,
они блуждают в темноте.

Иль даже бродят на свету,
как в ослеплении. Бывает,
что свет рождает темноту,
коль время время убивает.

Смешного нет в сомненьях тех,
что не от придури, не с жиру.
Одна забота: быть бы живу,
а ей совсем не до потех.

Лишь упасти б живую душу.
И, усомнясь в себе, в быту,

я понимал, как жалко трушу
любых речей начистоту.

Боясь нечаянной улыбки
или злорадного «ого!»,
я, наподобие улитки,
в себя забрался самого.

И как бы заперся за дверью
от всех, кто были мне близки,
попав в компанию безверья,
в дурное общество тоски.

Тогда-то я и заметил
одно довольное лицо.
Тот человек был вечно светел,
он на руке носил кольцо.

Любил он птенчиков, доведски
для них выпрашивая все,
и так застенчиво, по-детски
мечтал о белке в колесе...

Оговорюсь (без оговорок
непредставим серьезный тон),
мне был давно известен он,
ни сват, ни брат, ни друг, ни враг.

Не то чтоб я не понимал
его, не то чтоб ополчался,
но я, по прежним временам,
над ним посмеивался часто.

То было вовсе не со зла,
но вроде как бы неприличность,
мне даже той порой была
чужда его категоричность.

Писать портреты не по мне.
И на невремяе, на спешке,
когда не дело грызть орешки,
деталь оставим в стороне.

Живя без видимых грехов,
он, очень многим знам и ведом,
мог быть оценщиком мехов
или большим музыковедом.

Недалеко — подать рукой! —
он жил, в раю ума и толка,
с запасом прочности такой,
что хватит, видимо, надолго.

А мне одна, одна она,
была, непрочному, нужна.
Тогда-то я и заметил
его счастливое лицо.
Я из кольца на волю метил,
а он шутя носил кольцо.

*

Так что ж ты прешь то в дождь, то в снег,
так что ж толчешь ты воду в ступке,
ведь вот он, вот он, человек,
уверенный в любом поступке.

Смотри, как книгу он берет,
разглаживает лист на сгибе,
как в зале он идет вперед,
не то что ты (как на отшибе!).

Как говорит: «А дело в том...»,
с тобою сидя на скамейке,

Как будто рубит топором,
как будто чертит по линейке.

И сразу ясно — дело в чем,
и сам киваешь — в том-то дело.
С таким умом, с таким плечом
и жить бы весело да смело.

*

И, позабыв о всех смешках,
что я швырял ему вдогонку,
письмо сминая впопыхах,
как бы свою же похоронку,
вошел я, робко постучась.
«Вот это да! Вот это чудо!» —
он восхитился...

Через час
я пробкой вылетел оттуда.

*

Но что же все-таки меня
из дома вышибло чужого?
Отсталость формы извиня,
берусь за старое я снова.
Утихни, шум тревог! В тиши,

пока досада не смололась,
я завожу, включаю голос
его устойчивой души,

чей ответит любой ушиб
рублей, ковров и лжей подстилка.
Да не смутит вас легкий шип,
ведь это старая пластинка!

«...Постой, мечтатель, погоди.
Ты все смеешься? Ладно, ладно!
Все впереди? Все впереди!
Но помни, друг мой ненаглядный,
и ты с отчаяньем в груди
запнешься у моей парадной:
«Зайти иль мимо?» Заходи!

Я усажу тебя за стол.
Ты худ и гол — я крикну: «Люда,
а ну, коронное нам блюдо!
Смотри, кто в гости к нам пришел».

Я похую твоих врагов.
Правы иль нет, всех в ряд ославлю.
На жизнь посетую. Поставлю
на скатерть — ясно, мол? — грибков.

Мол, так-то, в общем, я не пью,
но ради случая такого;
но ради гостя дорогого...
С лимонной коркой?! Право слово,
давай, не то на стол пролью.

На фрукт незимний заглядишься —
очищу сам. Домой возьми.
Я денег дам тебе взаймы,
и ты в прихожей прослезисься.

Работы нет? Молчи. Устроим.
Как заживем! Равны. Дружны.
Такие милые герои
мне вот как, маленький, нужны.

Зачем? А чтоб кому в науку
сказать, сынку там или внуку,

что тот вот (ты!), что вам немил,
имел (куда вам!), ох, и пыл!

Особо чистым быть старался,
уж чуть не на небо забрался.
И вот, во всей своей красе,
в один прекрасный день сорвался,
пришел в себя. «Живет, как все».

. . . . .

*

Я мог бы, рюмкой угостившись,
поддакнуть... Но, почуяв стыд,
я встал и вышел, не простившись,
отлично зная: не пр о с т и т.

Но, убегая, упекая
себя в дальнейшую беду,
я понимал, что убегаю
не от него лишь. На бегу,

на тротуарах, на колесах,
куда б ни рвался, где б ни был,
уже какой-то подголосок
во мне, теряющемся, ныл:

«Сдавайся, мальчик, без оглядки,
Не думай. Это ни к чему.
Поверь ему — и все в порядке.
Придешь в себя! Поверь ему.

Беги обратно, понимаешь?
Проси прощенья, наконец.
Он знает то, чего не знаешь
ты, впечатлительный юнец».

И вот я мысленно вступаю
обратно в дом его, склоняюсь,
и с ним к обеду приступаю,
за ту оплошность извиняюсь.

И вот я начинаю верить
словам, что хуже матерщин.
И вот я начинаю мерить
свой каждый шаг на их аршин.

И вот я начинаю видеть
в себе желание скопить:
продать, купить, принять и выдать
и через час перекупить.

И вот я начинаю слышать
совсем не то, что слышал я,
когда лунатиком по крыше
ходил по кромке бытия.

Или тогда, когда из дали
я слышал давний зов: вперед!
Нет, слышу я: «Где вы достали?
Вы с ним знакомы? Он берет?»

И вот я странно замечаю:
на чашку чаю, цель тая,
к себе таких же залучаю,
каким недавно сам был я.

Я сыт, богат, одет и весел.
Тревог и бедствий никаких.
Я все гардинами завесил,
...Я не желаю видеть их!

Я даже мысленно не смею
себя представить в том кругу,

где, жизни вешаясь на шею,
над ней «хи-хи»,
но ни гугу.

Где все возвышенное мнимо.
Ведь, как и кто не суесловь,
мешанство ищет псевдонима:
оно то дружба,
то любовь.

Оно то служба, где опаска
набилась совести в друзья.
Оно то присказка, то сказка
о смысле здорового житья.

Оно вас гнет поодиночке
в свой утешительный покой.
Я ни за что не дам ни строчки
постыдной мудрости такой.

Я не приду. Жируйте в норке,
молитесь прибыли вещей!..
А так ведь все как будто в норме,
так, с виду, все как у людей.
И прочный дом (не дует в щели).
И даже спор. Но у него
какая-то неясность цели.
И не поймешь, кто за кого.
Здесь некто с кем-то осмелеет
и вдруг мигнет: да я любя!..
И вроде все за всех болеют,
и вроде каждый за себя.
Как шут гороховый, как мальчик,
я в эту стенку бился лбом,
и вспять отскакивал, как мячик,
и лез, как олух, напролом,

но содержание и форма
живут вне принципов и норм,
где философия проформа
первопричина всех проформ!

*

Ах, если б дело только в этом,
ребята, было! Боже мой,
как распускался бы я летом
и как бы ежился зимой,
как мы и пели б и смеялись,
лишь одному ему враги,
когда б в уме не отдавались,
как в подворотне, все шаги.
За сценой сцена, перемена
за переменной вкупе, врозь
желают эха
непреречно,
во чтоб оно ни обошлось.
И право, просто было б жутко,
и мы бы стоили пятак,
когда б акустика рассудка
была устроена не так.

*

Спасибо, век! Я не умею
душой отзывчиво кривить.
Так и мальчишескому змею
души змеиной не привить.
И потому сквозь все хвощи,
решая жизнь, как нашу тему,
тащись, бульдозер, и тащи
и выволакивай поэму.

1954, 1971

УЛИЦА

Мне издали ты кажешься иной.
Стоит зима, степенная покуда.
Стоят сугробы маленькой стеной,
Как будто это детская причуда.
Но это нет. Вал это крепостной.

Я думаю, что в возрасте моем,
Когда слова приобретают цену,
Поскольку трижды были об одном
И отрицались, мне нельзя на сцену.
Я лучше погуляю перед сном.

Я лучше просто так тебе скажу
Маршрутами своими, что по краю
Твоей реки, по берегу, хожу
И ничего уже не повторяю.

Твоей реки застывших лет и дней.
Ты на коньках катаешься по ней.

Мне издали все кажется иным.
Я расскажу, пожалуй, что случилось,
Когда ты на день, на два отлучилась...

Нет, нет, не то... По улицам твоим
Я так ходил, что вьюга закружилась
И понеслась, как прежде, по кривым,
По осторожным улочкам Арбата.

И дом на дом пошел, как брат на брата.
И время вспять — к твоим следам чужим.
Об этом мне неловко говорить.
Я о любви предпочитал не спорить.
Я разучился так внимать и вторить.
Мне было б страшно что-то повторить.

Но в час, когда меня к стене прибили
Десятилетней давности снега,
Что мне совсем недружественны были,
Но и во мне не видели врага,

Я наблюдал, смиряясь с тем, что счастье,
Наверно, есть и стоит падать ниц
И подниматься. Знал: на белом насте
Дрожали тени от твоих ресниц.
И взлеты ламп условленного знака,
Что посылала словно ты сама.
И взмахи целомудренного мрака.
Вся неприкосновенная зима...

Вот что со мной случилось возле дома,
Где ты высокой девочкой жила,
Когда еще была мне незнакома,
Но, слава богу, что уже была.
И возносила ночь хоромы, громы,
Как церкви все и все колокола.
Я наблюдал, когда — весь в белых детских

звездах —

След возникал твой, тесный и чужой,
Я наблюдал, как школьник-переросток,
И, не желая и боясь, домой.
А ты спала...
И все тонуло в верстах
Земли, пурги, жилой и нежилой.

Давай снежок из прошлого слеплю.
Метни его вон к той оконной раме...
Я говорю, что я тебя люблю,
Немыми, одичалыми словами.
И недоверье, кажется, стерплю.

За эти годы стал я некрасивый.
Я так лицо однажды в руки вмял,
Что линии ладоней странной силой
Щекам, вискам навечно передал,
Теперь — гожусь ли, близок ли к концу,
Гадай, коль хочешь, прямо по лицу.

А ты красива. И во всем права.
Живой узкоколейкою метели
Бегут, бегут, бегут мои слова,
И я уж не раздумываю: те ли.

Но что-то их велит тебе сказать,
Пока шнурок ты хочешь завязать
Здесь, у реки твоих застывших дней.
Ты на коньках катаешься по ней.

Мне издали ты кажешься иной.
Стоят сугробы маленькой стеной.
А фонари так пышно разодеты
У булочной и у твоих дверей.
Мне хорошо. Уже давно поэты
Не говорят о булках фонарей.

А, боже мой, какие были зимы,
Я даже летом зябну иногда,
Припомнив холод невообразимый
И эти рельсы, эти поезда.
Как замерзали где-нибудь в хвосте мы,
Когда на нас взирали свысока
Из-за решетки карточной системы
Сырых буханок сытные бока...

Какие зимы были! Без отцов,
Без матерей. Прошли в конце концов,
Что унесли, то не вернут обратно.
Но что это, куда же я с Арбата
Свернул — бежит беспечная метель,
А я за ней, как за тобой, как тень...

Мне издали все кажется иным.
А этой ночью вот как было дело.
Как из совка, из фонаря летела
Крупа, скользя по коркам ледяным.
Я впал тогда в ничтожество теней,
В ничтожество скрипучих черных веток.

И вы прошли, оставив столько меток
На черно-белой памяти моей.
Играли хлопья с ночью в домино.
Два-два. Один-один. И пусто-пусто...
Мне не забыть пленительного хруста,
Когда вы шли по мне давным-давно.

На поприще твоих чужих домов
Нетрудно стать холодным тротуаром.
Недаром я любил тебя. Недаром
Валился снег из высших закровов
И заносил меня в такую даль.
Я вас глазами льдистых лип увидел.

Залюбовался. И в метельной выдел
Моя метнулась легкая печаль.
Вы шли, так стройно за руки держась.
Над вами купол ввысь белел, кружась.
Вы разошлись. Но вы сойдетесь снова.
Исчезли вы, а я еще лежал.
Вернулись вы, а я, как снег, бежал.
Я не давал, мне не давали слова.

Потом я шел по улице пустой,
Отряхивая снег десятилетний.
Он плохо таял, был он беззаветней
Себялюбивой памяти людской.
Давай снежок из прошлого слеплю.
Метни его вон к той оконной раме.
Я рассказал скользящими словами...
Иди катайся. Я не тороплю.

Когда-то я задумался: о чем
Умалчивают ангелы? О чем
Умалчивают, заслонясь плечом,
Как бы стыдясь нескромного вопроса?
Я о тебе все выведал без спроса,
Нечаянной метелью увлечен.

Я улицу твою застал тогда,
Когда она тебя припоминала,
Тебя, когда легко ты приминала
Тот самый снег, в те давние года.

Снег этот, полный сдержанного пыла,
Запечатлевший набело черты
Домов, надежд, деревьев, — это было
Все то, о чем умалчивала ты.
Снег тянет вверх. Лови его, кружись.
Лови, лови снежинку строчкой точной.

· · · · ·
Ну не смешно ль: обманывает жизнь,
А остается столь же непорочной.

1967

Мне это все
тем лучше представлялось,
что не был я ни там, ни там.
Хотел,
да как-то все никак не удавалось.

Так горячился я и холодел
(а почему, скажу об этом ниже),
что из Москвы

никак не уезжалось.

Жара была в разгаре. Пух летел,
как мухи белые.

Короче, я
жил в отпуске меж севером и югом
и оба полюса носил в себе.

Художник был по складу
общим другом.

И, в общем, жил вначале так себе.
Тот переулочек назывался Вспольным.
Он к Патриаршим вяло вел прудам.
И о художнике я вяло вспомнил,
поскольку жил художник

где-то там.

Я думал:
как бы он изобразил
пустую улицу, дрожащий воздух,
больших домов коротенькие тени
и тротуар, снимавший отпечатки
с мужских подошв
и дамских каблучков.

Или закат в невиданном Каире,
что отразился на твоём письме
о переходе синего в лиловый,
а дальше в красный,
с выходом вполнеба,

И вот разрозненная тень бульвара.

И чей-то возглас:

— Ты мне послан богом!

Художник был по складу

общим другом.

И, в общем, жил в начале так себе.

Но двадцать лет назад он

прозвучал,

понравился, и не без потасовки,

как провозвестник антилакировки,

но, говорят,

в дальнейшей обстановке

слегка поправился. И замолчал.

Мне неприятно это говорить.

Как будто осуждать или корить.

Я не судья соседнему искусству.

Я не тянулся к этому искусу:

чернить кого-то,

чтоб себя белить.

Иль утверждать,

что, до заказов лаком,

он не молчал, а запасался лаком.

Но те портреты передовиков...

Нет, лучше вновь

сожги себя на том,

чем ты действительно

живешь и дышишь,

о чем в уме

мучительно ты пишешь,

еще не в праве

стать перед холстом.

Чужой талант, прости,

прости меня,

Но знаю я:

в сумятице безмерной
божественная дивная мазня
рождает тело красоты бессмертной.

Я знал, что без него не обойдусь,
а почему — хотя и знал, —

не ведал.

«Ты послан небом! Я тебя боюсь.
Я думал о тебе. Уже обедал?»

Он думал обо мне... Забавно это,
как совпадает... нечто иногда...
— Да вот, шатаюсь в поисках

сюжета...

— Нет аппетита? Это не беда.

Что смотришь? Побелели, поредели
все эти кудри, честь главы моей?
Ты должен мне помочь.

Мы рядом сели.

Мы не сидели рядом столько дней.
Мы не сидели рядом столько лет.
Но все же что-то знали

друг о друге.

Жару пронзил

короткий посвист вьюги.

Гром прогремел

за посвистом вослед...

Поежась, он спросил меня:

— Сюжет?

Ты шутишь или нет?

— Какие шутки! —

Я отвечал.

— А я вторые сутки

вот тут сижу с утра и до темна.

Все жду, когда покажется она.

— А по ночам что делаешь?

— Не сплю.

Писатель ждет уж рифмы?

Да! Люблю.

Минуло славное десятилетье.

На душу населения миллионы

процентов стали или чугуна

понарастали.

Я же — весь в дубленках,
кримпленах,

замшах и магнитофонах,

все так же нищ душой,

гол как сокол,

поскольку нет мне моего процента

любви...

— Ты слабо шутишь.

— Не шучу.

Ты мне ниспослан.

Как во сне дурном,

который может оказаться в руку.

Он замолчал,

прислушиваясь к звуку:

троллейбус шиной бил,

как метроном.

— Так в чем же

должен я тебе помочь?

— Вернуть Марию. —

Он ответил тихо. —

Вернуть Марию...

Десять лет назад

она ушла в какую-то пустыню.

Какой подтекст
бездарно пропадает.

Ну а Каир при чем?

— Я сам считаю,
что ни при чем.

Но если друг родной,
тем более он а, там годы тратит...
Так я и помянул его: мол, хватит.
Трать время на меня или со мной.

— Я рад. Эгоистические нотки!
Сближение с действительностью.
Но

не выпьем ли

пока по рюмке водки,
а там продолжим общее кино?
Не отрешайся. И — не имитируй!
Пошли ко мне.

И мы пошли к нему.

Он был подавлен

собственной квартирой.

Холсты один стояли к одному.

Одна к другой старинные картины

висели на торжественных крюках.

Бессмертностью тончайшей паутины

сквозило время в лицах и руках...

(Закатов, зорь

божественные штампы.

От смены их не я один устал.

Бессонница и у чуть теплой лампы,

и у подушек, и у одеял.

Поскрипывают пол и спинка стула.

Глядят портреты, не смыкая глаз.

Когда б сейчас

в глаза ты мне взглянула,

То, как об угли, верно, обожглась.

откуда брать
единственные краски!...»
Ты сочинил. Там дальше было...

— Стоп!
В чем должен я помочь тебе?
Яснее.

Мы все же
в семьдесят втором году.
Я чувствовал, что, кажется,
краснею,
и вместе с тем я знал уже: пойду.

— Прошу тебя...
Вот адрес, телефон...

Нет-нет,
мой отключен за неуплату.
Каприз миллионера. Потрясен?

— Весьма. Я позвоню по автомату.

— Постой, присядем
вот за этот столик.

(К стеклу прилипли круглые следы.)

Не думай, я еще не алкоголик.

— Да, непохоже.

— За твои труды!

Ушла, представь,
сравнив меня... со мной.

Со мной,
тебе хоть что-нибудь понятно?

Из-под стекла настольного глядели
рисунки.

Еще одна — высокий сарафан,
кокошник и рублевские глаза.

— Трактир?

Интерьер пустой избы.
Три грации, как три официантки.
Или наоборот. Как хороводец...

— Ты прав.

И многое в запасе.

Я знал, что это будет на «ура!»
Лазурь и охру замешав на квасе,
он с д е л а е т.

А мне домой пора.

Я заплутался

в этом странном часе.

— Нет, погляди — готический буфет!

Стоит костелом

в черно-тусклом блеске.

«Фарфор — музэй»,

Чего в нем только нет!

Вот только выпить даже чаю

не с кем.

— Ты сам не приглашаешь никого?

Или не ходят?

Кто же ты?

— Я скупщик.

Замечу в упреждение вопроса:

иконами не балуюсь. Но есть.

Она Георгия-Победоносца

любила. У меня их ровно шесть.

Ты не спросил меня о мастерской.

Она витает на Тверской-Ямской.

Там паучки прелестные, голубчик,

Они творят, как маленькие боги.

Когда же солнце озаряет их,

то в черной рамке,

словно в некрологе,

на их ажуре тлеет мой триптих.
Рожденье. Жизнь. И смерть.

Верни Марию!

Ты вот что, правды и не говори,
чтоб от нее потом не отречься.
Ты ей скажи, что я художник.

Только.

Скажи, что я хороший человек.
Она тебе поверит. У тебя,
поскольку ты лентяй, есть ореол
кристальности и неподкупности...
Замолви полсловечка. Порадей
родному человечку. Человек
Звучит, конечно, гордо. Я им был.
И я им стану

все-таки, голубчик. —

И протянул (губами к хрусталу):
— Я был художником.

Теперь я скупщик.

Я продал душу. Но я вас куплю.

...Мне было жалко. Потому что я
прекрасно понимал, почти тоскуя,
что не на что ему меня купить,
что больше нечего ему продать,
что слишком много
денег и картин.

Что вся эта

коллекция покупок

в такой цене —

что ничего не стоит

в сравнение с мелочью,

с черновиком

или наброском, что не продаются.

Поскольку в голову-то не придет

приобрести оборванную фразу,
скрип колеса, погоду, стук часов,
невзгоду, паузу —
так не бывает!

Но что-то в мире маленькой поэмы
происходило. Что-то изменялось.
Мы оказались снова на бульваре.
Какой-то образуя микроклимат,
вокруг художника росли сугробы.
Горсть пуха тополиного в ладони
внезапно смялась в тающий
снежок.

Похолодало. Тополь сыпал снегом.
(Банальность,
что ли, реализовалась.
Но если даже так. Давно пора.)
Во мне стояла тяжкая жара.

Из телефонной будки в отдаленье
«ку-ку, ку-ку» — короткие гудки,
как следствие нелепого поступка,
неслись,
хотя была на месте трубка.
На трубке таял след моей руки.

Мой друг смотрел пытливо на меня —
по-королевски или по-собачьи.
Шел мелкий снег, куда-то семеня.
Туда, наверно,
где сдавались дачи
в предошущенье будущего дня.

— Да. Вот еще. Нечаянно скажи,
но осторожно, не насторожи:
в особнячке, в Барвихе, помирает

«бомонд», осколок, тетушка моя,
ее единственный наследник — я.

Я уходил, хоть все еще сидел.
День отсыревший каркал и гудел.
В трех кузовах зеленых,
рыхлясь, ехал
снег, как скульптуры
абстракционистов,
но с жизнью больше связанный
по форме
и содержанью...

Около скамьи, где мы сидели,
развивалась стройка
игрушечная,
и довольно бойко,
из матерьяла влажного зимы.
Строителя не замечали мы,
смотря на то, что плыло за оградой.
— А все-таки, куда увозят снег? —
сказал четырехлетний человек,
задумчиво следя за кавалькадой.
— Я думаю, туда, где в нем нехватка, —
сказал мой друг.
И маленькая складка
его серьезный лоб пересекала.
— А впрочем,
я тебе не собеседник, —
пробормотал
единственный наследник. —
Такие, друг Горацио, дела.

Борца за правду нянька увела.

И то, что мы по-зимнему одеты,
и просьба диковатая его,
и этот снег...

и то, что за оградой
опять, качаясь дымкою, стояла
жара, — мне больше странным
не казалось.

И это было странно. Мы молчали.

А женщина по имени Мария
шла по другую сторону бульвара,
где жаркий день стоял,
и вслед за ней,
ныряя, быстро бабочка летела.

Да. Мы любили женщину одну.
Он — откровенно, пышно, говорливо.
Я — к сожаленью,
слишком молчаливо,
боясь сказать,
нарушить тишину.

Но это было так давно,
что я
забыл
и улицу, и переулок,
и дом...

Забыл ее, как целый город
со множеством садов
и перекрестков,
цветов и птиц,
дождей и снегопадов.

Забыл, какие у нее глаза...

— Ну что же ты сидишь!

Беги за ней. —

Он тряс меня за локоть. —
Ну, скорее.
Я ждал такого чуда столько дней.
Прошу тебя.
Ну что же ты?!
За нею!

Я встал и вышел в лето.
Оглянулся.
Снег падал на изящный саквояж,
на куртку с отворотом из цигейки
белей сугроба около скамейки.
Снег падал на блокнот и карандаш.
А рядом, ногу на ногу закинув,
сидел, уставясь на носок ботинка,
другой...

Едва я на него взглянул,
как воздух с силой
взгляд мой оттолкнул:
с ним рядом я сидел!

Но я и шел.
Вослед витиеватому порханью
желто-лимонной бабочки спеша,
я шел сквозь солнечное колыханье.

Она была, как прежде, хороша.
Был у нее стремительный и мягкий,
слегка косящий,
но балетный шаг...

Но это было так давно,
что я
забыл и улицу, и переулок,
и дом.
Забыл ее, как целый город

со множеством садов
и перекрестков,
дождей и голосов.

Совсем забыл.

Но «мерседес»,
из воздуха возникший,
сформировавшийся из ничего,
был серебрист и холоден на цвет.

Но галстук-бабочка
был расторопен.

И с бриллиантом в запонке
манжета
услужлива была.

В одну секунду
за низкой дверцей
туфелька исчезла.

И растворилась в воздухе машина.
Растаяла.

Лишь бабочка металась
желто-лимонная,
кружась на месте,
взлетая, падая,
пока не села мне на рукав.

Тогда я понял все.

Она? Она! И все-таки...
Как жалко.

И это жизнь?
Ни холодно, ни жарко,
так переимчиво существовать...

Не знаю я, что лучше:
торговать
все ж богомазом сделанной иконой
иль красотой, от бога обретенной?

Но, пораженный просто красотой
(А то, что знал я, не было
ни сплетней,
ни выдумкой), я шел к скамейке той,
спеша скорей покинуть
воздух летний

Когда входил я
в тот же самый снег,
навстречу мне метнулся человек.
Как показалось мне, он отшатнулся.
Я сам его поспешно миновал.

Приятель мой
на том же самом месте
сидел и, верно,
ждал хорошей вести.
Он бабочку в блокноте рисовал.

Я молча рядом сел.
Он хлопья сдунул.
Я поглядел на хлопья и подумал:
какой мне все же дать ему совет?

Рассеивать ли это заблужденье?
А если в нем последнее спасенье
для человека?
И последний свет?

Сказать: валяй торгуй,
она не лучше?
А вдруг он путаник,
а не валютчик.

Да, я подумал, это вам сюжет...

Но что-то портит мне пейзаж.

Мешает,

у снегопада путаясь в ногах,
куда-то тянет, что-то воскрешает,
о чем-то вопрошает впопыхах.

(Тут появляется и исчезает
одно необходимое лицо —
не обойти.

Всплывает все равно.

Но я его, пожалуй, зарифмую.

Он друг художника.)

Мой странный друг,
игрок на травке дедовских могил,
где Фил и Фоб

взаимно тратят пыл,
я твой покой кипучий не нарушу —
ты так увлекся

«расстановкой сил»,
что проворонил собственную душу,
о доблестях, о подвигах забыл.

Ты больше не рисуешь и не пишешь.

Ты только околичностями дышишь.

Ты позабыл,

что силы не в салонах,
а в синем небе и лугах зеленых.

Пешком почаще по земле ходи.

А огород — на даче городи.

И не мешай. Не впутывайся в снег.

А все же кто он, этот человек?

Нет имени ему. Он есть никто.

(Подножки ставит здорово зато.)

Он утопает в хлопьях,

как в минувшем.

В прорывах ветра — ветки и углы.
Москва, ты здесь!

Ты в фонаре мигнувшем
среди бела дня

как бы из той поры.
Я иногда кажусь себе мальчишкой,
случайно забежавшим в эти дни.
Ошибся часом. И прижился здесь.
А там еще не кончилась война,
и только будут эти времена.

Москва, ты старше и неизмеримо
мудрей, и выше, и моложе нас —
вслух и не вслух,
наглядно и незримо
беседующих в этот зыбкий час.

Он говорит:

— А все же те портреты
ты оценил эстетски.

Как-никак,

все это лица наших работяг.

Они талантом, наконец, согреты...

— Но быть талантливым
ничтожно мало! Любой подлог...

Но солнечная мгла
снег в сторону относит.

А со снегом
скамейку и слова...

Стоит жара.
И движется жара.

Под блеклым небом.

Жара фантомы, видимо, плодила.
Чуть-чуть не натолкнувшись

на себя.

тянул в себя глубокой синевой,
с необъяснимо юною печалью
в себя манил, как в омут головой.
Арбатский двор,
одетый в беспорядок
полувесенних тающих убранств,
был в поздний час
вместилищем загадок
и умопомрачительных пространств.
Там будущность бывала
с нами рядом,
у нас почти сбываясь на глазах.
Ее окликнуть можно было взглядом
и, словно книгу, ощутить в руках.
Когда свиданьем не было свиданье,
когда мы были все еще на «вы»,
он сотворял тебя из синевы,
и белизны, и влажного мерцанья.

Я должен наконец
прибегнуть к средству
простому, тайному, опасным небом
действительно подаренному мне.

Нет времени —
я должен снять пространство.
Я исключаю из пейзажа транспорт.
Чуть-чуть висит еще
железный грохот
грузовиков — но это на мгновенье.
И шелест шин с шипеньем исчезает,
и где-то тает крохотный сигнал...
Но на стоянках и на остановках
внезапно начинается разброд;
но я и этот шум и толкотню,
поколебавшись, тоже исключаю.

Пустой под ярим,
ярким солнцем город.
(Теперь иди. Теперь входи. Ты — здесь.)

Я должен снять заклятие с листа.
И разделить одно мгновенье
на два.

Немного страшно. Но рука чиста.
Я напишу. И это будет — правда.

Совсем не надо,
чтобы все всё знали.

Но не проговориться свыше сил
в присутствии бумаги и чернил.
Каких бы я прощений ни просил,
как бы меня потом ни наказали.
Как будто замороженное, время
оттаивало... Капали секунды.
Твои глаза мерцавшие...

Твой голос,
он из второй действительности был.
А может быть, из первой,
что забыл,
но так внезапно вспомнил,
так припомнил,
как будто некий занавес приподнял,
как будто некое стекло протер,
как будто раму выставил.
Как будто
дверь отворил в соседнюю
минуту,
существовавшую, как параллель
обыденному, явному, —
и вышел
на голос твой,

которого не слышал
за суетой влиятельной досель.

Несостоявшаяся шла метель,
несбывшаяся падала капель,
невоплотившееся воплощалось
в глаза и в хлопья, в руки и в ручьи.
Я стиснул пальцы влажные твои,
твоих ресниц

щекой коснулся — и...
как в пробужденье,

а не в забытьи
все и расплакалось и рассмеялось.
Два времени одна связала нить.
Долженствовавшее — имело быть.
Несостоявшееся состоялось.

Я ничего придумывать не буду.
Какая мысль у мысли может быть?
О чем мечтает Истина?

Мария,
душа моя, ты есть — и хорошо.
А ведь сначала,

в первые мгновенья,
я говорил на детском языке:
две параллельные пересеклись...
Я волновался, спрашивал:

— Но что же,
но что же делать нам с тобой?

Что выбрать?
Из двух минут, двух вечностей,

двух линий,
я умоляю: выбери мою.
Там человек...

Но что-то поправляло:

Пересеклись их сущности.

Мы — в точке.

Мы в воздухе. Мы вместе.

Здесь. Нигде.

Мы существуем только

в этой строчке,

как мысль о тех, кто ходит по воде.

Когда, проваливаясь по лодыжки
в горячий тротуар, я шел к тебе,
я знал об этом только понаслышке.

Теперь я знаю это по себе.

Я ничего придумывать не буду.

Какое чудо может быть у чуда?

Наверно, только я вь...

Она сказала:

— Я рада:

Ты опередил себя...

Иначе б мы не встретились.

Ты знаешь,

мы тут немножко дальше.

Почему? Все очень просто.

Там, где вы бросали

чуть начатое, так, на полпути...

Ну, скажем, не решались подойти —

мы подходили. Сдвинуть вы боялись,

а мы сдвигали. Вы, засомневавшись,

не делали и мучились потом

так долго, так бессильно сожалея, —

мы делали.

Мы тоже сомневались,

но делали. Поэтому у нас

потерянное время — это сказка,

правоученье. Мы немножко дальше.

— Вот как... Но ты глядишь
с огромной грустью.
— Да... Я всегда тоскую по тебе.
— Но разве там,
у вас... там нет меня?

Передо мной внезапная стена
возникла.
Трещинки, шероховатость.
Я в первый раз почувствовал тогда,
как может сердце
бесконечно падать.
Стена исчезла.
Я сказал: — «Мария!»
И огляделся.
«Что?» — она сказала.

Был дворик пуст.
Лишь первая грава
с аютиными глазками цвела.
Светило жарко солнце
в подворотне.

И я сказал:
— Мария, что со мной?
Я устаю — и снегом, и жарой,
и чьим-то домом быть, и человеком,
листочком зеленым на коре, корой,
спрессованным
в одну минуту веком,
секундой, убежавшей от часов...
— Ты жалуешься?
Разве это плохо?
— Вот лавочка, — сказал я, —
посидим?
— Нет, лучше друг на друга
поглядим.

Нет времени. Дай руку...
И кольцо
надела мне на палец безымянный.

— А как же быть с художником?!
Стена
передо мной. И за спиной стена.
И по бокам. Я поглядел на небо.
И снова двор. И звон. И тишина.

Она сказала:
— Ты такой же странный.
И хорошо...

— А как же быть со мной?

Стена, стена, что делать со стеной?
А день стоит все тот же за спиной.
И не стоит, а ходит. И смеется.
И говорит. И мечется... А я?
Я не успел тебе сказать, Мария...
Я не успел тебя спросить...

Стена!

Я долго шел,
скользя рукой по камню.
Он теплый был.
Наверно, в этом доме
высокие, подумал, потолки.
И замер, взгляда не сводя с руки.
Кольцо исчезло,
но не до конца, —
поскольку ощущение кольца
на пальце было и не проходило.

Я повернулся и пошел назад.
И подошел. И заглянул в ворота.
Мне показалось, улыбнулся кто-то.

Там бабушка бессмертная вязала.
Бесцветная мерцающая нить
меж спиц и пальцев
зыбко проскользала
и тоже исчезала, может быть...

(Куда? Я выпадаю из сюжета.
Тверской бульвар
без Пушкина давно.

Я — без тебя. И нелогично это:
среди такого дня идти в кино.)

Я устаю — и снегом, и жарой,
и переулком быть, и человеком,
листочком зеленым на коре, корой,
неровным часом и огромным веком.
Не жалею. Я просто не могу
все передать

одной строке скользящей.

Я замерзал в искусственном снегу.
И шел босой по льдине настоящей.

Я сел напротив той скамьи, где мы
с художником сидели

столь недавно.

Кругом, как будто не было зимы,
цвели цветы.

И зной палил исправно.

Но, с рукавов отряхивая снег,
ко мне подсел сердечный человек:
«Ты с нею был на уровне неравном,
ты свой обычный промах допустил.
Залюбовался,

не спросил о главном.

О разнице во времени. Забыл?»
— О разнице во времени?!

Послушай,

я сам себе ответил: — Отдохни!
Рассыпся.

Он рассыпался послушно.
И я увидел, что идут о ни.

И многое другое я увидел.

Я видел,
как мой двойник,
пытавшийся догнать
и вернуть художнику Марию,
вошел в мой дом.

И почему-то видел,
как он ключи искал
по всем карманам,
как свет зажег и, голову склонив,
исчез над недописанной страницей.

Я видел,
как серебристый длинный
«мерседес»,
широким жестом
списанный в посольстве
и купленный
владельцем тех манжет,
что хлопотали около Марии,
пугая бабочку,
возник опять
на том же месте на моем бульваре.
И знал: недолго женщине стоять
одной на том же самом тротуаре.

Но я не знал,
что здесь,
пока я в нетях пребывал,
произойдет негаданная встреча,

Я загадала!.. Если б я нашла...

Металась бабочка осиротело.
Гроза вполнеба ширилась и шла.

Я жил в каморке чистой,
как в чертоге.

за словом,
как за каменной стеной.

Но раздвоился путь на две дороги.
Мария, кто ты,
где ты, что со мной?

1976

СОДЕРЖАНИЕ

«Все прозрачно в мире — это свойство...»	5
«Машук оплыл — туман в округе...»	7
Чайка	8
«Когда смеются за спиной...»	10
«Паровик. Гудок его глухой...»	11
«Я проснулся тревожно, чудно, незнакомо...»	14
«Все как будто в ином разрезе...»	15
На улицах Старого Братска	16
Стихи из Болгарии	18
«Зеленая Рила...»	20
«Спасибо, музыка, за то...»	22
«Вдали от всех парнасцов...»	23
«Снега белый карандаш обрисовывает зданья...»	24
«Все как в добром старинном романе...»	26
«Можно жить и в придуманном мире...»	27
Муравей	29
Метаморфозы	30
«Как бы мне оторваться от жизни...»	32
«Время пройдет. Охладеет...»	34
Селигер	35
Цикады	36
«Не уважаю неревнивых...»	37
«Хотел бы я долгие годы...»	38
«Я забыл свою первую строчку...»	39
«Вот и нет меня на свете...»	40
«Люблю, когда друзья мои в Тбилиси...»	41
«Я мальчик. Мне двенадцать лет...»	42
Звезда полей	44
Любовь	45
Указ Петра	46
«Пожалей меня за то...»	48
«Убит. Убит. Подумать! Пушкин...»	49
«Скорей в начале жизни, чем в конце...»	50
У верховья Волги	51
«Ученический зимний рассвет...»	52
«Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад...»	54

«Попросил я у господ бога...» . . . : : . . . : . . . : . . .	56
Ока	57
Вешние дали	58
Первый иней	60
«На крайнем юге, солнечном и синем...»	61
Застава	62
Другу	64
«Натали, Наталья, Ната...»	65
Венок	66
«Опять с непогашенным светом...»	67
Товарищ мой	69
Хлеб	71
«Облако птичьего свиста...»	73
«Листья прыгают, как лягушата...» :	74
Разлад	75
Волки	76
Этюд I	78
Этюд II	80
«Я славы не искал, зачем огласка?..»	82
«Ничего, что вымокла дорога...»	83
Паром	84
«Нет сил никаких улыбаться...»	85
«Что сердце! Оно по мне...»	86
«В дни, когда рано темнеет...»	87
«Была зима белым-бела...»	88
«Открытая внешняя рама...»	89
Речной вокзал	90
«Попробуй вытянуться...»	92
Ночной дождь	94
Пейзаж с дорогой	96
Моление о разлуке	98
«На влажные планки ограды...»	100
«Боже, как ей все это знакомо...»	102
«Дышала беглым холодом вода...»	103
«А я и не помню ни первой любви...»	104
Снег этого года	105
Май этого года	107
«Эта память как странное зимнее озеро...»	109
Перемены	110
Артист . . . . . : :	112
«И самый юный в мире дождь...»	114
«Нет школ никаких. Только совесть...»	115
«Нужно плотно прижаться лицом к стеклу...»	116
«Друзья мои, не умирайте...»	117
«Поймай меня на том, на чем нас ловят...»	118

«Пластинка должна быть хрипящей...»	119
Чужая книга	120
«Все чернила вышли, вся бумага...»	122
«Белые гнезда снега...»	124
«Все время чувствую вину...»	125
Соловей	126
Ноябрь	127
Ночной циклон	128
«Это просто вечер был такой...»	129
Новый снег	130
«Мне зима залепила в стекло снежком...»	132
Стихи Марианне	133
«Дождь оборвал на полуслове...»	136
Бессонница	137
«Ты плачешь в зимней темени...»	138
«Упаси меня от серебра...»	140
«В первые солнца мои...»	141
Андроников монастырь	142
«Отбрасываю в сторону стихи...»	145
«Крыши намокли. Деревья опали...»	147
«Не торопись. Погоди. Обожди...»	149
Весной	150
«Гербарий сырых тротуаров...»	152
«Красивый, старый, черный дом...»	153
Телефон	155
Разлука	156
«Листья летят, как утраты...»	157
Дом с мезонином	158
Городской романс	159
«Я к дороге так привык...»	161
«Мне не может никто и не должен помочь...»	162
«Ты говоришь, что все дела...»	163
Тихий снежок	164
Тепло	165
Ровеснику	166
Шипка	167
Ромашка	169
«Мой учитель был берегом, улицей, домом...»	170
Крыша	172
«Учись ваянию, ваятель...»	174
«Я болен. Я в белой рубашке...»	175
«Безвестность — это не бесславье...»	176
«Заблудился я... Да и скворцы...»	177
Снег	178
Встреча	179

«Заручиться любовью немногих...»	180
«Значит, жить? Значит, снова мечтать?..»	182
«Опять весна. Какие перемены...»	183
«...И я потянулся вослед за тобой...»	184
«О умножение листвы...»	185
«Ресницы светлые сосуллек...»	186
Молчание (Тетрадь)	187
Мужская школа	193
Трамвай	196
«Это в первый раз я заметил...»	198
«Я должен говорить дождями...»	199
«Боже, как это было давно...»	200
Пригород	201
На этой даче	203
Квишхетское утро	205
«Я тебе не писал...»	207
«Однажды я назвал себя поэтом...»	208
«Да! Сухой я живу, словно порох...»	209
Воскресенье	210
«Пусть я довольствовался малым...»	211
«У меня исчезают стихи...»	212
Галки	213
«Какое большое счастье...»	214
Синие лужи	215
Пауза	216
«Когда мы были незнакомы...»	217
Голос	218
«И позабыть о мутном небе...»	219
«Она души не приняла...»	220
«Скоро черные, сырые...»	221
«Сырые будни. Осени задворки...»	222
«Все выпадает снег и тает, тает, тает...»	223
«Вспоминается первый ледок...»	224
«Но как мы встретимся — чужими?..»	225
«Напластованье долгих лет...»	226
«Расцвела сирень — скоро осень...»	227

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Шадринск	228
Смена дней	234
Чужое письмо (главы из поэмы)	241
Улица	263
Сюжет	268

Соколов В. Н.
С59 Спасибо, музыка: Стихотворения и поэмы. —
М.: Мол. гвардия, 1978. — 303 с.

В пер. 1 р. 20 к. 50 000 экз.

Книгу избранных стихотворений известный поэт Владимир Соколов посвящает молодежи. Он воспеваает силу и красоту человеческой души, правду, искренность и глубину чувств неповторимость каждого обыденного мгновения жизни.

С $\frac{70402-315}{078(02)-78}$ 193-78

Р:

ИБ № 1452

Владимир Николаевич Соколов

СПАСИБО, МУЗЫКА

Редактор **Вад. Кузнецов**
Художественный редактор **А. Романова**
Технический редактор **Т. Кулагина**
Корректоры **Т. Песнова, Л. Четыркина**

Сдано в набор 26.06.78. Подписано в печать 05.12.78. А06078.
Формат 70×108 $\frac{1}{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,3. Учетно-изд. л. 9,4. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 20 к. Т. П. 1978 г., № 193. Заказ 1050.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суццевская, 21.

